

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Ученые записки
Смоленского государственного университета*

Выпуск 21

Смоленск
Издательство СмолГУ
2021

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Смоленского государственного университета*

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 21 / отв. ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2021. 310 с.

ISBN 978-5-907148-82-6

В сборнике представлены уже ставшие традиционными разделы, посвященные исследованиям русской и зарубежной литературы – поэзии, прозы и драматургии XIX–XXI веков; теории текста; литературы Смоленской земли, а также публикуются архивные материалы и представлена литературная критика. В сборник включены материалы научного проекта «Авраамиевская седмица».

Сборник включен в национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ.

**УДК 37.014
ББК 74.04 (2)**

*Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко
по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе
«Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).*

ISBN 978-5-907148-82-6

© Коллектив авторов, 2021
© Смоленский государственный университет, 2021

5:05:13. Письмо со странной подписью, вынесенной в заглавие нашего доклада: «Сердечно, дружески, с любовью Ваш Дед Мороз».

Это письмо о смерти Гаспарова и о своей жизни. Подробно: о семье, жене, дочери, живущей в Америке, о внуке-музыканте; о кафедре, о диссовете, о последних работах. Так пишут тому, кто способен понять.

«Сам поражен, какой отчет о своей жизни выдал. Только Вы могли меня на такое вдохновить, дорогая Марина Абрамовна».

L.V. Pavlova, I.V. Romanova
Smolensk State University
Smolensk, Russia

**«CORDIALLY, AMICABLY, WITH LOVE, YOUR SANTA CLAUS»:
FROM THE CORRESPONDENCE OF VADIM BAYEVSKY
AND MARINA KRASNOPEROVA**

Key words: V.S. Bayevsky, M.A. Krasnoperova, poetry, correspondence.

The article highlights the preserved correspondence of professors of poetry V.S. Bayevsky and M.A. Krasnoperova, highlights its main themes.

Э.Л. Котова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

Г.А. Закроева

НИУ ВШЭ
Москва, Россия
УДК 82.02

**«ДРУГОГО ТАКОГО НЕ БЫЛО И НЕ БУДЕТ»:
СТЕНОГРАММА ЛЕКЦИЙ В.С. БАЕВСКОГО О Ю.М. ЛОТМАНЕ**

Ключевые слова: Ю.М. Лотман, В.С. Баевский, лекция, история науки, семиотика, структурализм.

В 2007 году В.С. Баевский читал для аспирантов уникальный курс лекций «История науки в биографиях ученых». На лекциях Вадим Соломонович не только фиксировал движение научной мысли в филологии XX века, но и показывал, какими нелегкими путями шло развитие российской науки в советское время. На этом курсе В.С. Баевский говорил с аспирантами о достижениях в науке Ю.М. Лотмана, А.Н. Колмогорова,

Р.О. Якобсона и др. Лекции В.С. Баевского уникальны не только обобщающим анализом творческого пути ученого-филолога, но и воспоминаниями, которые Вадим Соломонович включал в повествование. Понимая ценность лекций В.С. Баевского, его ученица, доцент кафедры литературы и журналистики, Э.Л. Котова сделала видеозапись курса для аспирантов. Данная публикация – стенограмма видеозаписи первых лекционных занятий курса, посвященных научной судьбе Ю.М. Лотмана. Вадим Соломонович был связан научными и личными отношениями с Юрием Михайловичем на протяжении многих лет и публиковал воспоминания. В лекции В.С. Баевский рассказывает о том, что не опубликовалось в других источниках, и как можно полно воссоздает образ М.Ю. Лотмана.

У Вадима Соломоновича Баевского было редкое правило: уделять научной работе учеников ровно столько же времени, сколько он посвящал собственным научным исследованиям. Он прекрасно понимал, как важно создать творческую атмосферу, вдохновляющую студентов на заинтересованный труд. С этой целью Вадим Соломонович разработал уникальный курс лекций для аспирантов – «История науки в биографиях ученых», в котором делился личными впечатлениями от знакомства с трудами крупнейших исследователей XIX–XX веков (А.Н. Веселовского, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, Л.С. Выгодского, Р.О. Якобсона и др.). С некоторыми из героев своих лекций Баевский был связан научными и личными отношениями – с Ю.М. Лотманом, В.Я. Бухштабом, Л.Я. Гинзбург, М.Л. Гаспаровым и др. Сохраняя память о них, Вадим Соломонович одновременно показывал студентам, какими нелегкими путями шло развитие российской науки в советское время.

В октябре 2007 года на филологическом факультете Смоленского государственного университета Вадим Соломонович приступил к чтению этого курса лекций. Они были публичными, поэтому посещение их студентами или преподавателями только приветствовалось. Каждый вторник после обеда, когда уже заканчивались занятия по расписанию, в 70-ой аудитории старого корпуса собирались те, кто дорожил каждой возможностью услышать Вадима Соломоновича, приобщиться к опыту Учителя.

Баевский был талантливым лектором и педагогом. На его педагогическую систему большое влияние оказали преподаватели Киевского педагогического института, который он окончил в 1951 году. «У нас были превосходные знатоки и мастера», – позже с благодарностью вспоминал Вадим Соломонович [Баевский, 2007, 91]. Одиннадцать лет он проработал школьным учителем в шахтерском поселке на Донбассе, «а школьная работа требует от педагога постоянной обратной связи с воспитанниками» [Баевский, 2007, 100]. Этот опыт не прошел для него даром.

Вадим Соломонович всегда тщательно готовился к занятиям. На его рабочем компьютере сохранились файлы с планом каждой лекции. Полного текста он не писал, составлял лишь план, отражающий основные мысли и логику повествования. Пунктами плана служили цитаты, списки литературы и книги писателей или ученых, а также цитаты из личных писем¹. Поражало то, как талантливо был подобран материал, и как в неспешной лекторской манере Баевскому удавалось так много рассказать.

Вадим Соломонович обладал прекрасным чувством времени и аудитории. Во время чтения лекций он всегда общался со слушателями, обязательно оставлял время в конце занятия для вопросов студентов. Баевский читал лекции не спеша, а формулировка мыслей была лаконичной и емкой, поэтому студентам не составляло труда подробно их законспектировать.

Однако возникало желание сохранить на память от общения с Вадимом Соломоновичем не только конспекты лекций, но и видеозаписи его выступлений. Поэтому одна из его учениц, Элеонора Леонидовна Котова, предложила Баевскому сначала снять на любительскую видеокамеру его курс лекций для студентов по русской литературе первой половины XIX века, а год спустя цикл лекций для аспирантов. Вадим Соломонович встретил эту идею с энтузиазмом. И в результате на основе отредактированных им конспектов видео-лекций родилась книга «Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800–1855» [Баевский, 2009]².

Теперь, уже после смерти Вадима Соломоновича, другая его ученица, Галина Андреевна Закроева, стала инициатором нового проекта: на основе видеозаписей издать курс лекций «История науки в биографиях ученых».

Сегодня вниманию читателей предлагается стенограмма трех сохранившихся видео-лекций Баевского о Юрии Михайловиче Лотмане – одном из самых ярких русских ученых XX века, столетний юбилей которого страна будет отмечать 28 февраля 2022 года. Вадим Соломонович был дружен с Лотманом и не раз писал о нем, публиковал его письма [Баевский, 1987; 1994; 2007]. При этом материал лекций лишь частично опирается на ранние публикации, но не повторяет их. Факты и воспоминания, приведенные Вадимом Соломоновичем в лекциях о Лотмане, впервые увидят свет. Вадим Соломонович планировал прочитать две-три лекции о Лотмане, но прочитал четыре. При

¹ К сожалению, материалы подготовки к лекции о Ю.М. Лотмане не сохранились.

² Тираж этого издания крохотный – всего 300 экземпляров. На кафедру литературы и журналистики часто поступают просьбы от студентов и школьных учителей о переиздании этого уникального курса лекций В.С. Баевского.

подготовке к публикации, мы столкнулись с технической проблемой – видеозапись третьей лекции, посвященной эволюции научных идей Лотмана, оказалась повреждена. Но у слушателей курса сохранились конспекты этой лекции, и в дальнейшем ее основное содержание будет восстановлено.

Лекция 1

Лотман уникален. Это чудо. Другого такого не было и не будет. Это один из героев науки. Один из тех ученых, которым ставят памятники. Я уверен, что перед Тартуским университетом будет стоять памятник Лотману. Весь вопрос в том, когда и что на нем напишут. Например, такая надпись: Ю.М. Лотману, который не был членом Академии Наук СССР, не был членом Российской Академии Наук, был провален при выборах в Эстонскую Академию Наук.

При жизни он был опутан завистью и клеветой, и после смерти эта волна отнюдь не схлынула. Я дважды заступался за него в печати. В Москве, в Ленинграде выходили толстые тома на глянцевой бумаге в переплетах из коленкора десятитысячными тиражами. Важно оседали на полках государственных библиотек, которые прогибались под их тяжестью. А кафедра русской литературы Тартуского университета издавала монографии и сборники в мягкой обложке, на газетной бумаге, на ротапринте, тиражом в 360 экземпляров, а то и меньше. И за ними гонялись серьезные ученые всего мира. И они изменили облик науки о литературе.

В нашей стране выдающийся человек проходит три фазы. При жизни его травят. Когда он умирает, его восхваляют – друзья, потому что они друзья, враги, в благодарность, что он наконец умер. И после этого сразу же начинается третья фаза: фальсификация образа покойного деятеля. Каждый стремится приспособить его для своих нужд. Можно вспомнить, например, прижизненную и посмертную судьбу Пушкина, Маяковского, Твардовского, академика Сахарова. Не избежал общей участи выдающихся людей и Юрий Михайлович Лотман. Вот почему особенно необходимо говорить о нем сейчас правду. Очень старый латинский афоризм «*De mortuis aut bene, aut nihil*»¹ я давно переделал таким образом: «*De mortuis aut veritas, aut nihil*»².

В 1964 году в издании Тартуского университета вышли в свет «Лекции по структуральной поэтике» Ю.М. Лотмана. Они положили начало сильному научному направлению в теории литературы в 1960–1980-х годов. В пределах СССР это было единственное направ-

¹ *De mortuis aut bene, aut nihil (лат.)* – О мертвых или хорошо, или ничего.

² О мертвых или правду, или ничего.

ление, противопоставившее себя художочному, аморфному, официозному литературоведению, которое только и умело клясться в верности марксизму и с не ослабевавшим пафосом отстаивать единство формы и содержания, на которое никто не покушался. У меня сохранились заметки, всего четыре страницы, которые я сделал в 1964 году при чтении «Лекций по структуральной поэтике». Но и без этих заметок я помню то чувство освобождения, которое почти независимо от содержания принесла нам эта книга. Тем, кто этого не пережил, трудно это себе представить. В истории русской культуры я могу сопоставить <это с тем>, насколько мы знаем по воспоминаниям современников, как потрясло в свое время мысливших людей «Философическое письмо» Чаадаева или письмо Белинского к Гоголю из Зальцбурга от 15 июля 1947 года.

Одновременно в Тартуском университете, на той же кафедре, разворачивалась под руководством жены Лотмана Зары Григорьевны Минц изучение¹. Блока и его времени, то есть изучение Серебряного века русской литературы. Подобно тому, как концепция Лотмана противостояла хилой, официозной теории литературы, научное направление Зары Григорьевны Минц противостояло официозной теории литературы рубежа веков.

Сейчас вы не можете себе этого представить, история литературы конца XIX – начала XX века покоилась на двух постулатах: шаг влево, шаг вправо считался за побег из советского литературоведения, в случае побега стреляли без предупреждения. На Блоковских конференциях, в «Блоковских сборниках» в Тарту звучали имена запретные с точки зрения государственной цензуры.

Зара Григорьевна вместе с Юрием Михайловичем воспользовались тем, что эстонцам² было не только глубоко безразлично, что там делали русские ученые, но они даже бывали довольны, когда чувствовали, что нарушаются установки государства. Там витал дух свободы, созвучный словам Пастернака:

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним. <...>

¹ Зара Григорьевна Минц (1927–1990) – доктор филологических наук, профессор Тартуского университета, специалист по изучению истории русского символизма, в частности творчества А. Блока.

² С 1946 года Тартуский государственный университет перешел в подчинение Министерства высшего образования СССР, однако его руководство должно было прислушиваться к мнению городских и республиканских властей.

Но Блок, слава богу, иная,
Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,
Нас не принимал в сыновья.
Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем [Пастернак, 1990, т. 2, 107].

Лотман в течение десятилетий был постоянным объектом нападок людей малосведущих и склонных к демагогии. На нем оттачивали мастерство подонки околонульного мирка. Он был членом самых авторитетных зарубежных научных обществ, но так и не удостоился избрания в Академию наук СССР и уже после начала перестройки, в Российскую Академию наук. Был устранен с поста заведующего кафедрой, той самой, которой он принес мировую славу. Потом и вообще переведен на кафедру зарубежной литературы. У благонамеренных литературоведов стало признаком хорошего тона в начале статьи, независимо от ее содержания, расшаркаться перед академиком Храпченко¹ и лягнуть Лотмана. Иногда с этого начиналось и этим все кончалось. И если вы думаете, что я утрирую, полистайте филологические журналы 1970-х годов. Зара Григорьевна много лет дожидалась утверждения ВАКом своей высококомпетентной и новаторской докторской диссертации о Блоке². После смерти Храпченко упоминание его имени и ссылки на него начисто исчезли. Вы себе не представляете, в советское время не могло быть статьи без упоминания его имени (как теперь Путина, скажем). Зато ссылки на труды Юрия Михайловича стали возникать едва ли не в каждой серьезной работе у нас и за рубежом. Победное становление развития двух научных школ сделало кафедру русской литературы Тартуского университета неофициальной мировой столицей науки о литературе. По общественному значению в годы «идеологического безвременья»³ кафедра Лотмана сопоставима с та-

¹ Михаил Борисович Храпченко (1904–1986) – доктор филологических наук, академик, член-корреспондент АН СССР, председатель Комитета по делам искусства при Совете Министров СССР, Герой Социалистического труда.

² В 1972 году в Тартуском университете З.Г. Минц защитила докторскую диссертацию «Александр Блок и русская реалистическая литература XIX века». Однако ВАК присудил ей степень доктора филологических наук только в 1977 году. Причиной стал негативный отзыв внешнего рецензента доктора филологических наук И.М. Машбиц-Ворова.

³ Речь идет об эпохе «брежневского застоя» в СССР, когда из-за идеологической цензуры многие научные работы, в том числе Ю.М. Лотмана и В.С. Баевского, не могли быть опубликованы.

кими явлениями культуры как театр на Таганке Юрия Любимова¹ и «Новый мир» Твардовского².

На протяжении четверти века я был связан с Лотманом, Минц и их кафедрой научными и личными отношениями. Там я защитил докторскую диссертацию³, причем Юрий Михайлович выступил официальным оппонентом. В их изданиях опубликовано несколько моих работ [Баевский, 2008] и работ моих учеников. Я и мои ученики участвовали в их научных конференциях. Две мои ученицы там защитили кандидатские диссертации⁴. По приглашению их кафедры я в свой черед выступал там официальным оппонентом. У меня хранится 35 писем Юрия Михайловича, некоторые написаны им совместно с Зарой Григорьевной, и два письма Зары Григорьевны отдельно. Тарту и Лотману посвящено, как оказалось, 46 записей в моем дневнике. Я собираю и изучаю его книги, многие им подарены, и сборники его кафедры. Подаренные им книги имеют надписи, приблизительно однотипные: начинаются словом «Дорогим» (адресована надпись всегда Эде Моисеевне⁵, здесь присутствующей, и мне), а кончается «С любовью. Ю. Лотман». Я, когда шел в университет,

¹ Юрий Петрович Любимов (1917–2014) – театральный режиссер, народный артист РФ, один из реформаторов российского театра. В 1964 году преобразовал Московский театр драмы и комедии в Театр на Таганке, долгие годы был его художественным руководителем и директором. Благодаря Любимову театр приобрел репутацию самого авангардного театра страны.

² Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) – писатель, журналист, главный редактор журнала «Новый мир». Благодаря Твардовскому и его единомышленникам в 1960-е годы журнал стал рупором отечественного либерализма и «социализма с человеческим лицом», одним из самых востребованных изданий среди российской интеллигенции.

³ В 1974 году В.С. Баевский защитил в Тартуском университете диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Типология стиха русской лирической поэзии». В качестве официальных оппонентов выступили Ю.М. Лотман, Б.Ф. Егоров, Б.М. Гаспаров. Из-за отрицательной рецензии доктора филологических наук П.А. Руднева и положительной рецензии доктора физико-математических наук, академика АН СССР А.Н. Колмагорова, «черных оппонентов» ВАК, он был вынужден повторить защиту диссертации.

⁴ Людмила Львовна Горелик – доктор филологических наук, профессор; Оксана Альбертовна Левченко – кандидат филологических наук. Долгие годы работали в Смоленском государственном университете на кафедре литературы под руководством В.С. Баевского.

⁵ Эда Моисеевна Береговская (1929–2011) – доктор филологических наук, профессор Смоленского государственного университета; специалист в области французской стилистики и методики преподавания французского языка. Награждена французским правительством орденом «Академической пальмы». Жена В.С. Баевского.

подумал, может быть, стоило захватить несколько книжек и показать. Но я в следующий раз могу принести. Принесу.

Теперь уже немногие помнят, каким событием становился каждый выпуск трудов по знаковым системам, каждый «Блоковский сборник». Получаю паническое письмо от Вячеслава Александровича Сапогова¹, одного из самых близких моих друзей в ту пору: «Вышла очередная “Семиотика”². У тебя уже есть? У меня нет! Что делать?» Отвечаю: «У меня тоже нет. Ничего, мы с тобой не идиотики, проживем без “Семиотики”». Или письмо от Петра Александровича Руднева, другого из самых близких моих друзей той поры: «Получил ли уже новый “Блоковский сборник”³? Говорят, его видели. У меня еще нет». Снова утешаю: «Друг мой милый, и без Блока можно жить не очень плохо, потому что даже Блок, это все-таки не Бог». Но казалось, что это только шутка. В действительности без томов «Семиотики» или «Блоковских сборников» жить казалось невозможным. И представьте себе, какая наступала радость, когда, наконец, очередной том тартуских изданий оказывался у тебя в руках. Однажды, когда Юрий Михайлович был у меня дома, я подвел его к полке, где стояли их издания и показал. Он сказал: «Ого! У Вас наших работ больше, чем у меня». Пошутил, конечно. Но у меня хорошо собраны эти работы. Были люди среди моих добрых знакомых, литературоведы, для которых Лотман был один из ученых, и все. И они мне дарили. Вот несколько книг у меня есть, подаренных моими коллегами, изданий, которых не было у меня, я не мог достать. А они довольно легко расставались. Я не просил никогда, сами дарили.

*

Явление «Лотман» – многосложное. И мне бы хотелось сказать, употребляя его термин, многоуровневое. Какие-то мысли были пережиты и даже записаны сразу после его смерти. Потом, мы провели расширенное заседание кафедры, посвященное памяти Юрия Михайловича. 9–10 февраля 2002 года мы провели своей кафедрой⁴ Между-

¹ Вячеслав Александрович Сапогов (1939–1996) – доктор филологических наук, профессор, литературовед, стиховед, один из основателей теории циклизации в русской литературе.

² «Труды по знаковым системам» – научный журнал по семиотике, издается в Тартуском университете с 1964 года. Его главным редактором долгие годы был Ю.М. Лотман.

³ «Блоковский сборник» – научное издание Тартуского государственного университета, в котором публиковались статьи научных всесоюзных конференций, посвященных изучению жизни и творчества А.А. Блока и литературы Серебряного века. Сборник выходил с 1964 года, З.Г. Минц была ответственным редактором его одиннадцати выпусков.

⁴ В.С. Баевский в те годы возглавлял кафедру истории и теории литературы Смоленского государственного университета.

народный научный семинар «XX век XXI веку: Ю.М. Лотман». Материалы этого семинара изданы. Мои воспоминания о Юрии Михайловиче дважды публиковались [Баевский, 1987, 1994], надеюсь, что в непродолжительном времени в третий раз выйдут в свет. Но, конечно, то, что я Вам собираюсь сегодня рассказать, не в статьях.

Был такой эпизод, еще при жизни Лотмана, когда уже реяли мысли, возникали разговоры о необходимости нового полного собрания сочинений Пушкина. Говорили в Пушкинском Доме: «Вот хорошо бы, чтобы том “Евгения Онегина” подготовили Лотман и Баевский». Юрий Михайлович – с его размахом, его эрудицией, а я – как организующее начало и с моим вниманием к деталям, имелось в виду. Но это так, были разговоры, но и потому что разговоры о новом собрании сочинений Пушкина были больше мечтами. А после смерти Лотмана ко мне обратилось одно частное петербургское издательство с такой идеей: издать «Евгения Онегина» с комментарием Юрия Михайловича и с моим комментарием к его комментарию. И такая книга вышла в свет, она есть [Лотман, 2002]. Но оказалось, этот замысел рассчитан на какой-то международный конкурс книги, и она была сделана с расчетом на роскошное оформление, она стоила 1500 рублей тогда. Я их убеждал, что нужно издать в таком виде, чтобы любой студент и учитель могли купить. Но хорошо, вот вы сделали такой роскошный тираж, а сделайте массовый тираж, это же и разойдется. Нет, им это не нужно. Они вовсе не ради Пушкина, не ради Лотмана, тем более не ради Баевского, а ради конкурса, чтобы выиграть что-то.

*

Я сказал в самом начале, что Лотман мне казался чудом. Он прошел всю Великую Отечественную войну с первого до последнего дня. В то время был такой порядок, что юношей мобилизовали (нет, не мобилизовали, я неправильно говорю), призывали на военную службу независимо от образования. Если ты студент Ленинградского университета, каким был Лотман, а тебе подошел срок, восемнадцать лет, будь добр иди в армию и отслужи, а потом возвращаясь себе в университет и учись. И Лотман пошел в армию. Дальнейшее я говорю не с его слов, а со слов (мы с ним никогда не говорили, он вообще избегал говорить о своих армейских годах) его учеников, которые его расспрашивали. Они выпрашивали, как он воевал. Ему служба в армии была очень тягостна, бессмысленные наряды, когда надо было охранять то, где нечего было охранять, бессмысленные политзанятия (можно себе представить, о чем были политзанятия в 1940-м году). Я сказал, что можно себе представить что, но не так легко. Ведь Сталин дружил с Гитлером, и тогда вся пропаганда была настроена таким образом, что Гитлер хороший, а Англия и Франция, которые с ним воюют – плохие. И поэтому, говорил Лотман своим ученикам, когда 22 июня 1941 года Гитлер напал на Советский Союз, он обра-

довался. В дружбу с Гитлером он абсолютно не верил, он знал, что война будет вот-вот, но, по крайней мере, кончилась вся эта бессмысленная муштра, и он понял, что теперь все зависит от него, от того, как он будет воевать. Так он рассказывал. Тут кончается то, что я знаю от его учеников.

Он служил в артиллерии, начал войну солдатом, естественно, а кончил сержантом. Карьеры военной он не сделал. А в вещевом мешке у него лежал учебник французского языка, которым он занимался в свободные минуты. Он не был даже ранен за всю эту войну, страшную, чудовищную.

Я знал, еще одного человека, замечательного писателя, который точно также был застигнут войной во время службы по призыву в армию. Знаете ли вы такого писателя – Вячеслав Леонидович Кондратьев? «Сашка», «Отпуск по ранению» и целый ряд других замечательных вещей. Мы с ним не были так близки как с Юрием Михайловичем, но он откровенно со мной говорил обо всем, иначе просто не было смысла. И он тоже рассказывал. Он на Дальнем Востоке служил, когда война началась. И он мне сказал, что в первый день, 22 числа, пришла весть о том, что война, что Гитлер напал, перед штабом выстроилась длинная очередь – все несли рапорты с просьбой, даже с требованием направить их в действующую армию. Вячеслав Кондратьев не так удачно для себя воевал, он был тяжелейшим образом изранен во время войны. Он мне говорил, что то поколение, которое со школьной скамьи было призвано в армию в 1941 году, погибло почти полностью. А те, кто уже отслужили какой-то срок, многие уцелели. Все-таки им казалось, что это бессмысленная муштра в армии в мирное время подготовила их к войне, дала им какие-то навыки, которые помогли им уцелеть во время войны.

Так я объясняю себе такое чудо, что Юрий Михайлович уцелел. Но мне было трудно отрешиться и от религиозного взгляда на судьбу Лотмана. Таким он мне казался не от мира сего. И я сейчас поражаюсь, я еще мало был с ним знаком, как-то мы с ним вместе шли по делам (я приехал организовывать свою защиту докторской диссертации) и я его спросил, верует ли он. Такой интимнейший вопрос задал, просто потому что я на него смотрел немножко как на чудо. Он мне ответил твердо: «Не верю. Знаете, Вадим Соломонович, я настолько погружен в XVIII век, в век разума (во Франции он так и называется “век разума”), что перенял от него и неверие». Это было в 1973 году. После этого мы с ним на эту тему уже не говорили, но я думаю, что все так и осталось.

С одной стороны, было мое отношение к Лотману, мой взгляд, а с другой – уже после защиты, в один из моих приездов по научным делам, как-то Юрий Михайлович вечером, я уезжал, пошел провожать меня на автобус. У него была такая огромная черная собака по имени Джерри, я чуть не сказал по фамилии, но она была такая умная, что могла бы иметь

и фамилию. Я им как-то писал, передал привет Заре Григорьевне, я писал: «Мой привет Джерри, если он меня помнит». Пошли мы втроем, и вдруг Юрий Михайлович начал мне жаловаться. По просьбе одного сотрудника своей кафедры¹ он взял его сына в университет. Вообще русскому студенту, вернее русскому абитуриенту, не живущему на территории Эстонии, было непросто поступить в университет на русское отделение. Это возможно было, но нужно было, чтобы Лотман (он тогда заведовал кафедрой) приложил усилия. Эстонцы старались, чтобы как можно меньше русских людей было в Эстонии. Была такая установка. Он взял этого молодого человека². И этот молодой человек вместе со своим отцом и еще кое с кем стали против него интриговать. Причем, как! Он был в растерянности. Вот это тогда он мне сказал: «Я этого не понимаю. Это мой ученик». По просьбе отца этого студента Лотман с первого курса взялся руководить его научной работой, а в благодарность получил вот такое. Он мне говорит: «Когда я стою перед дверьми, не то, что перед человеком, которого считаю своим учителем, но перед дверьми человека, которого я считаю своим учителем, как, например, перед дверьми Соломона Абрамовича Рейсера³, я немею от уважения, а тут...» Я ему горячо посочувствовал. А потом, как ни странно, я и сам это пережил. В точности тоже самое. А тогда мне даже пришлось вмешаться в эту интригу. Лотман уже не заведовал кафедрой, но еще работал на кафедре русской литературы. А новый заведующий кафедрой (должен сказать, Сергей Геннадиевич Исаков⁴ высоко порядочный человек, который всегда как мог поддерживал Лотмана и по просьбе Юрия Михайловича взял на себя эту нелегкую обязанность для того, чтобы кого-нибудь со стороны не выискали) вдруг прислал мне письмо. Этот молодой человек кончил университет и хочет, чтобы его дипломную работу государственная экзаменационная комиссия представила к защите диссертации. А Лотман считает, что там диссертации нет. А Исаков мне пишет (работа по теории стиха): «Так как у нас

¹ Петр Александрович Руднев (1925–1996) – доктор филологических наук, семиотик, стиховед. В 1968 году в МГПИ защита его диссертации на соискание степени кандидата филологических наук была провалена, поскольку Ученый совет признал работу формалистической. После этого Ю.М. Лотман пригласил его на работу в Тартуский университет, где через год Руднев защитил диссертацию «Метрика А. Блока». В 1972 году Руднев по личным причинам покинул Тарту.

² Вадим Петрович Руднев (род. 1958) – доктор филологических наук, культуролог.

³ Соломон Абрамович Рейсер (1905–1989) – доктор филологических наук, профессор Ленинградского библиотечного института, специалист в области палеографии нового времени, текстолог.

⁴ Сергей Геннадиевич Исаков (1931–2013) – доктор филологических наук, профессор Тартуского университета, лауреат Государственной премии Эстонии; специалист по истории русской литературы XIX века.

сейчас специалистов по теории стиха почти нет, можно я Вам пришлю работу на отзыв». Я, конечно, согласился. Получил я эту работу. Я бы эту работу и как курсовую не зачел, вот такой был уровень, и откровенно написал. А уже после смерти Лотмана я узнал, что одновременно Исаков послал эту работу еще и Гаспарову¹. Я узнал каким образом. Егоров² опубликовал переписку Лотмана, там и мое письмо (а я написал Лотману об этом)³. Я считал, что все, что происходит на этой кафедре, не должно происходить тайком от Юрия Михайловича. Я ему написал об этом. И в этом томе я прочитал письмо (сейчас не помню не то Гаспарова, не то к Гаспарову) письмо Гаспарова, где он дает такой же ответ. Так что эта идея была похоронена. Но это был такой пробивной парень, он не растерялся. Когда-нибудь я готов рассказать дальнейшую историю, но это уже никакого отношения к Юрию Михайловичу не имеет. И поэтому не сейчас.

Вот такое, например. Но после смерти Лотмана этот молодой человек, который называл себя философом (да, он сейчас философ), опубликовал в одном журнале совершенно невероятно гнусную статью о Лотмане. Не хочу даже говорить о содержании. Я было хотел заступиться, потом поколебался, журнал малотиражный, он потом и закрылся. Это было в начале перестройки. Посоветовался с кое-кем из московских коллег, мы решили, лучше всего не замечать. Но потом в газете «Известия» была опубликована, вы себе не представляете, какая статья о Лотмане. Такую статью возможно было опубликовать, конечно, только имея, я слышал такое выражение, «большую мохнатую лапу» (поддержка, имеется ввиду). И я знаю, что у этого человека «большая мохнатая лапа» была тогда и есть сейчас. Я даже с этой «лапой» знаком. Немножко. Привожу цитату: «<...> любопытно совпадение знакового учения фашизма с семиотическими теориями “тартуской школы” <...>, во главе которой долгое время стоял Ю.М. Лотман» [Данилкин, 2000]. Вот ты четыре года воевал с фашистами, я тебя объявлю фашистом, мне все можно, у меня есть «большая мохнатая лапа». Другая цитата: «Всякий структуралист может

¹ Борис Михайлович Гаспаров (род. – 1940) – доктор филологических наук, профессор, советский и американский лингвист, семиотик, литературовед. В 1968–1980-х годах преподавал в Тартуском университете, был членом редакционной коллегии и постоянным автором «Трудов по знаковым системам».

² Борис Федорович Егоров (1926–2020) – доктор филологических наук, профессор, академик Независимой академии эстетики и свободных искусств, видный специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века. В 1952–1962 годах работал в Тартуском университете, несколько лет возглавлял в нем кафедру русской литературы. В 1950-е – 1960-е годы был ближайшим другом и коллегой Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц.

³ Ю.М. Лотман и Б.Ф. Егоров переписывались с 1954 по 1993 год, сохранилось более 300 писем Лотмана и свыше 400 Егорова. См.: [Лотман, Минц, Егоров, 2012].

кончить людоедством, не буквальным, так символическим». Поскольку это «Известия», а не малый тиражный журнал, тут я уже, ни с кем не советуясь, написал письмо, но оно не было напечатано. Автор этой статьи укрылся за псевдонимом Лев Данилкин, но, конечно, для меня совершенно ясен автор. Скажем мое отношение к Юрию Михайловичу и отношение вот этого типа – это два полюса, так сказать. Но между ними есть еще и разные градации.

Например, однажды в Москве обратился ко мне Вячеслав Всеволодович Иванов¹. Теперь он академик, мы с ним давно знакомы, у нас был общий друг, даже два, благодаря которым мы с ним контактировали. Это сын писателя Всеволода Иванова, замечательный лингвист. И сказал мне: «Знаете, сейчас электорат Тартуского университета не разрешает проводить семиотические конференции. Мы решили очередную конференцию провести в провинции и просим Вас организовать в Смоленске». Я им говорю, что в Смоленске слова такого боятся, другое слово – «Лотман», которого боятся. Он говорит: «Что Вы, что Вы! Я организую звонок из ЦК КПСС (это не с чем сравнить, это была абсолютная власть) секретарю обкома вашей партии». Тут я уже не отказывался. И, действительно, вызвал меня ректор... Вы его не знали, кроме Эды Моисеевны, он уже умер, у меня с ним были отношения натянутые². И сказал, что пришло распоряжение из ЦК, чтобы Вы провели Всесоюзную семиотическую конференцию. «Не вздумайте отказываться! Смотрите, если сорвете...» И многоточие. Все-таки я решил в нашем институте не проводить, все-таки тут среди литературоведов у меня поддержки абсолютно не было, а семиотическую конференцию я мог провести на базе Смоленского филиала Московского энергетического института³. Мы привлекали и инженеров, которые семиотикой занимались. Конференция была очень большая, очень продуктивная, как оказалось. До ста человек участников. Несколько секций. Всесоюзная! Из всех республик, кто занимался семиотикой серьезно. А в Академии наук был Совет по кибернетике⁴. И Совет по кибернетике обратился в ЦК. ЦК очень поддерживал кибернетику, потому что там был выход в военную область. Таким образом, я стал готовить эту конферен-

¹ Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) – доктор филологических наук, академик РАН, директор Института мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ; один из основателей Московской школы компаративистики; семиотик, антрополог.

² Алексей Алексеевич Кондрашенков (1915–2005) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель наук РФ, занимал пост ректора Смоленского государственного педагогического института с 1968 по 1986 год.

³ Всесоюзная научная конференция по семиотике состоялась в Смоленском филиале Московского энергетического института в 1979 году.

⁴ Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР.

цию. Готовили здесь. А мы договорились, что приглашения разошлет Совет по кибернетике в Москве. Я же совершенно не знаю этих людей. Кроме литературоведов, я никого не знал. Вдруг в разгар подготовки я вижу, что ни Лотмана, никого из Тарту среди людей, которые готовят конференцию, нет. Я написал сразу Лотману, ни о каких своих подозрениях не говорил, а просто написал, что готовится конференция по инициативе Совета кибернетики, без Вас невозможно, кого считаете нужным назовите, я вышлю приглашение. Действительно, еще несколько человек приехало, и он приехал. И ни одного человека из московских семиотиков не было. Как только они узнали, что я пригласил Лотмана, они как умерли. Они затеяли все это не потому, что ректорат Тартуского университета запретил семиотические конференции, а потому что хотели без Лотмана. Представляете эти отношения?

Когда пошла перестройка, стали писать и говорить о Тартуской семиотической школе во главе с Лотманом. Москвичи возмутились: «он ничего не знает, он не лингвист, он ничего не понимает». Нашлись люди, которые стали писать «Тартуско-Московская семиотическая школа». Им и этого показалось мало – стали писать «Московско-Тартуская семиотическая школа», это уже утвердилось. Хотя самые горячие головы стали писать «Московская семиотическая школа». А на самом деле, конечно, это Тартуская школа. Дело даже не в том, что знал и что не знал Юрий Михайлович, а дело в том, что у него был какой-то ореол. Не я один его так воспринимал, как я вам рассказывал. Вот Москва, большой зал, доклад делает Лотман. О чем доклад? Не важно, о чем. Важно, что Лотман! Зал набит битком, люди толпятся в коридоре, ничего не видя, не слыша, но их держит магнит этого имени. А на лестнице еще стоят люди, которые мечтают попасть в коридор. Потому что там делает доклад Лотман! Что-то мифическое было в этой ситуации и в этой личности.

Его травили. КГБ устраивало обыск у него в Тарту. Мне рассказывала Зара Григорьевна, как были поражены люди, производившие обыск, когда наткнулись на какой-то сверток, завернутый в материю, – боевые награды Лотмана. Они стали враждебным тоном спрашивать, где он их купил, они даже не подозревали, к кому идут с обыском. А когда он спокойно сказал, что он их на фронте получил, спросил, предъявить <ли> удостоверение, они от удостоверения отказались, развернулись и ушли. Видно, их хорошо настроили против него, прежде чем послали.

Когда Лотман умер, появились некрологи. Их нетрудно найти. Если бы вы видели, какие сухие и ничего не значащие некрологи напечатали московские семиотики. Было совершенно очевидно, что не было сказано ни одного такого теплого дружеского слова.

*

Сейчас приближается конец этой лекции. Здесь естественная пауза, я обычно не обращаю внимания на естественные смысловые паузы. Я бы может быть пошел дальше и пойду, посмотрим. Сейчас я хочу выслушать ваши вопросы и мысли. Я уверен, что вам есть, что сказать и спросить.

– Я знаю, что Вячеслав Иванов даже Пастернака поддерживал и сам пострадал из-за этого. Он же предложил вам организовать <конференцию> без Лотмана фактически. То есть он относился к московским семиотикам?

– Получилось так. Он участвовал в семиотических конференциях в Тарту. Я был поражен... Я вам в прошлый раз говорил, что у меня сайт теперь есть, там есть раздел, где фотографии. Там есть фотография, где мы с Юрием Михайловичем и Ивановым в Тарту в президиуме Ломоносовской конференции.

– Вы говорили, что Юрия Михайловича очень травили. А была ли в этой травле объективная, как ему казалось, критика? Как он к ней относился?

– Когда его объявляли фашистом, ясно объективной критики не было. Когда его объявляли людоедом, объективной критики тоже не было. Отвечая на ваш вопрос, я должен забежать в следующую лекцию, а потом убегу обратно. Лотман все время был в движении, имея ввиду его научную мысль. Он сам отказывался от своих идей, которые выдвигал, через некоторое время. Можно сказать, что те идеи были неправильные? В науке обычное явление, когда выдвигается какая-то идея, для этого времени передовая, потом выдвигается другая, которая эту идею перекрывает. Нельзя сказать, что та идея была неправильной, та идея была меньшего объясняющего значения, чем другая. Вот такого было много. Потом Лотману важно было высказать какую-то большую мысль, а детали его не интересовали. Поэтому в Пушкинском Доме и предлагали, чтобы мы вдвоем делали комментарий к «Евгению Онегину». И у него бывали такие грубые «зевки», говоря шахматным языком. Вот чемпион мира мог подставить фигуру относительно слабому игроку. «Зевок». И у Юрия Михайловича бывали такие «зевки». И его враги радостно, яростно ухватывались за такие «зевки».

– Вадим Соломонович, каким был Лотман отцом? Я знаю, что Михаил пошел по их с Зарой Григорьевной стопам. Это их заслуга или атмосфера была такова? Как сложись судьбы других сыновей?

– Юрий Михайлович был удивительным отцом, другого такого я не знаю. Удивительным семьянином. У него было три сына. Старший Михаил пошел по стопам родителей, но не называл себя учеником Юрия Михайловича или Зары Григорьевны. Он себя называл учеником Петра Александровича Руднева. Второй сын был художником, причем он одна-

жды для заработка (жили они бедно) крыл крышу кому-то, упал с крыши, подростком, покалечился. А третий – биолог. И когда началась перестройка, он активно сотрудничал с «зелеными». И даже Зара Григорьевна мне рассказывала. Один раз она стояла в очереди за продуктами и вдруг услышала, как эстонские женщины с восторгом говорят о Лотмане. Это было небывалое! И простые женщины. Наконец, она не выдержала и говорит: «Я жена Лотмана. Откуда вы его знаете?» Они так посмотрели на нее и говорят, что он совсем молодой человек, что вы тут говорите. Они говорили о ее сыне, который боролся за то, чтобы убрать военный аэродром. Там военная база была вблизи Тарту, которая досаждала эстонцам. Это третий сын. У них было восемь внуков и один внук. И в каждом письме они писали: «Мы теперь дед и баба, 2+2». Или: «Дед и баба (2+2)²». Юрий Михайлович готовил сам. Он гораздо больше, чем Зара Григорьевна, занимался приготовлением еды. Егоров мне рассказывал, как однажды они с удивлением наблюдали, как старший сын, который был еще совсем ребенком, играет с дочкой Егорова в папу и маму. Сын Юрия Михайловича, Миша, приходит домой, открывает отцовский большой портфель, достает оттуда какую-то игрушки и говорит: «Вот я курицу принес, буду варить». А она говорит: «Это неправильно, это я должна приносить». Чтобы понять героизм Лотмана, нужно понять такое... Егоров мне говорил, когда он только начал работать в Тарту и помогал естественно жене, покупал что-то, ему в педагогическом институте, где он начинал работать, коллеги сделали замечание: у нас не принято, чтобы мужчина ходил по продовольственным магазинам и потом в сумке носил еду, это дело женщины. Лотман шел наперекор местным нравам. Я ответил на ваш вопрос?

И теперь я скажу, что после смерти Юрия Михайловича мы узнали, что у него была большая любовь. С Зарой Григорьевной они познакомились еще в университете. Причем знакомство было такое, по словам Зары Григорьевны. Она была редактором стенгазеты, тогда это было очень ответственно. А он сказал: «Заплатишь – нарисую». Лотман пришел из армии, стипендия была грошовая, и он подрабатывал тем, что писал портреты вождей на демонстрации. А она сказала: «Ууу! Черт усатый». С этого началась их любовь. А оказалось, что у него была еще одна любовь. Егоров об этом знал и раньше и даже как-то помогал Юрию Михайловичу встречаться с этой дамой, а мы узнали уже после смерти.

– Вы говорили о событии в научном плане лекций о структуральной поэтике. А в общественном плане таким событием стали «Беседы о русской культуре», которые транслировала и неоднократно «Культура»¹. Эти лекции давно появились. По своей семье могу судить, что это собы-

¹ «Беседы о русской культуре» – цикл авторских телевизионных передач Ю.М. Лотмана, созданный в конце 1980-х годов на основе соответствующего курса лекций в Тартуском университете. Впоследствии тексты телевизионных лекций были опубликованы. См: [Лотман, 2005].

тие. Папа в программе <телевизионных передач> подчеркивал те программы, которые собирался смотреть. Это выглядело так: матч по футболу, «Международная панорама», программа «Время» и «Беседы по русской культуре». В свете всего, что я уже не в первый раз слышу о Лотмане, это выглядит совершенно удивительным: как удалось при всем том, о чем мы сейчас слышали, сделать такую программу? И чья это была инициатива?

– Могу сказать. Это была инициатива его учеников, которые работали на Тартуском или Таллинском телевидении.

– А как это потом вышло на Всероссийский уровень?

– Этого я уже не знаю, пробило как-то дорогу себе.

– Это снималось все на Тартуском телевидении? У него дома, в кабинете?

– У него дома, да. Это тема моей следующей лекции.

Лекция 2

В прошлый раз меня попросили предъявить книги Лотмана с дарственными надписями. Я принес две. «Комментарий к “Евгению Онегину”» 1980 года [Лотман, 1980]. Вот так выглядит надпись, можно будет подойти и поддержать в руках. Тут написано: «Дорогим Эде Моисеевне и Вадиму Соломоновичу Баевским. С любовью от автора. Ю.М. Лотман. 8 сентября 1980 года». И «Биография А.С. Пушкина¹». Примерно такая же надпись: «Дорогим Эде Моисеевне и Вадиму Соломоновичу Баевским. С самыми сердечными пожеланиями здоровья и счастья в новом году. Ю. Лотман. 25 декабря 1981 года». А это вот любопытная книжка. Я вам в прошлый раз говорил о том, что Лотман был окружен непониманием, даже враждой, завистью, конечно. И вот в Москве после его смерти вышла такая книга «Московско-Тартуская семиотическая школа» [Московско-тартуская семиотическая школа, 1998]. Составитель Неклюдов. Это московский лингвист. Такая толстая, крупного формата, солидная книга. И вот представьте себе, что в этой книге, посвященной московско-тартуской семиотической школе, Лотмана статья всего на 4 страницы. Единственное, что из трудов Лотмана вошло в эту книгу. Я вам в прошлый раз говорил, что у меня есть сайт в интернете, там есть такая фотография: Вячеслав Всеволодович Иванов, академик, очень крупный московский ученый, Лотман и я в Тарту в президиуме Ломоносовской конференции. А если вы заглянете в «Краткую литературную энциклопедию», это очень хорошее справочное издание 9-ти томное, в статью «Семиотика», написанную Ивановым, так там имени Лотмана вообще нет [Иванов,

¹ Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя / Пособие для учащихся. Ленинград: Просвещение, 1981.

URL]. Дело в том, конечно, что у Лотмана была такая чудесная харизма, какое-то сверхчувственное влияние он оказывал на людей, какой-то ореол. Он был артистичен. Не в том смысле, что кривлялся или принимал позы. А вот кто видел эти передачи о русской культуре Лотмана [Лотман, URL]: он сидит в кресле, у себя в кабинете (его там снимали его ученики для Тартуского телевидения), беседует... Со своими усами. Он немножко заикался. Со своей улыбкой, иногда даже несколько извиняющейся... И вот что-то такое он излучает, какую-то харизму. Объяснить это словами невозможно. Но его личность делила все человечество на две части: на восторженных поклонников и на завистников-ненавистников.

В прошлый раз я постарался обрисовать его личность, сегодня я больше предполагаю говорить о его трудах, но, конечно, и сегодня я буду довольно много говорить и о его личности. Для меня его труды от его личности неотъемлемы. В его сознании своеобразно и неожиданно переслаивались на первый взгляд взаимоисключающие компоненты. Он был историком литературы, историком культуры, если шире брать. Он брал шире. И как всякий добросовестный историк, он собирал факты, изучал их взаимоотношения. Его любимым времяпрепровождением было сидение в архиве. Когда мы уже с ним близко познакомились, я при очередной встрече сказал ему, что собираюсь на интересную конференцию, а он говорит: «Знаете, а я чем дальше, тем больше предпочитаю миновать конференции и посидеть в архиве». Ему нужна точность и объективность выводов. В советское время в литературоведении царил такой произвол, что это было просто стремление к точности и объективности, <это> было насущно необходимо. Но возможности при изучении литературы, получение убедительных выводов, конечно, ограничены. И он обратился к структурно-семиотическим методам.

Здесь я должен сделать научное отступление. И буду говорить, может быть, немного неожиданные вещи. Структурализм возник в самом начале XX века в трудах Фердинанда де Соссюра¹. Великого швейцарского лингвиста. Де Соссюр, по-видимому, не знал трудов Чарльза Пирса². Чарльз Пирс – американский философ второй половины XIX века. Он захватил еще самое начало XX века. Ему принадлежит и термин «семиотика». О де Соссюре у меня был небольшой цикл лекций в прошлом году, здесь есть хотя бы кто-то, кто посещал эти лекции. Я могу только самым кратким образом сказать. Но это невозможно, потому что кратко это бу-

¹ Фердинанд де Соссюр (1857–1913) – швейцарский лингвист, основоположник семиологии и структурной лингвистики. Его идеи оказали большое влияние на гуманитарные науки XX века, в частности на появление структурализма.

² Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) – американский философ, логик, математик, основоположник прагматики и семиотики.

дет непонятно! Де Соссюр рассматривал язык как явление знаковое. Слово – это знак, у которого есть означаемое и означающее. Они не могут быть оторваны один от другого. Не то у него, не то у его популяризаторов есть такой пример: если мы возьмем лист бумаги, положим горизонтально: вот – означаемое, вот – означающее. Их невозможно разделить. Также в знаке. Означаемое – это та реальность, которая стоит за этим знаком, а означающее – это тот способ, которым эта реальность переносится. Это может быть звук, состоящий из фонем, выражаемых буквами на письме, это может быть светофор, где зажигается свет: можно идти, внимание – нельзя идти или ехать. И любые другие средства передачи какого-то текста. И де Соссюр показал, что знаки существуют только потому, что в сознании человеческого коллектива, который ими владеет, они противопоставлены друг другу: каждый всем противопоставлен, а есть и противопоставления более сильные – между группами и парами знаков. Значит, в сущности, значение переносится не самим знаком, а тем, чем он отличается от других знаков. Так я могу это сформулировать.

В начале XX века в России был такой замечательный теоретик музыки Яворский¹, который те же самые идеи, независимо от де Соссюра (он понятия не имел об этом), излагал относительно музыки. Он говорил: «Музыка – это то, что не написано в нотах». Не ноты, а то, что не написано в нотах. Соотношение между звуками, а не сами звуки. Конечно, это сильно усложняет наше представления о языке, но открывает гораздо более глубокие возможности понимания сущности, природы языка. Причем языка не только человеческого общения (такого речевого, скажем), но и музыки. С этой точки зрения и моду <можно> рассматривать как язык. И согласно этой точке зрения каждый из нас с вами одет не только потому, что ему не хочется ходить голым, но и потому что он своей одеждой хочет что-то сказать окружающим. Я думаю, это понятно. Да? Конечно, каждый продумывает... Могут быть разные цели, разные критерии... Но это язык моды. И даже Пирс, например, спрашивает: «Дерево – это знак или не знак?» И отвечает так: «Для человека верующего дерево – знак. Бог что-то ему говорит. Во всяком случае, хочет сказать этим деревом. А для человека неверующего – это не знак, это предмет и все». Вообще Пирс... Мне не известно, есть ли его переводы на русский язык. Я когда начал заниматься семиотикой, проштудировал по-английски шесть томов Пирса. Есть собрание его сочинений американское в шести томах и английское в шести томах. И мало того, что я проштудировал, я еще сравнил американское с английским. Оказалось... (Я был страшно увлечен! Вот я защитил докторскую диссертацию и занялся этим делом). Конечно, разницы нет между этими двумя собраниями сочинений, только в порядке

¹ Яворский Болеслав Леопольдович (1877–1942) – русский музыкальный теоретик и педагог.

расположения книг. Это тоже, конечно, говорит о чем-то. А Пирс такой философ, что он восходит от языка до Бога. Он весь мир стремился охватить своей теорией знаковости. Слово «семиотика» от древнегреческого на русский может быть переведено как «учение о знаке». А структурализм в том же русле, конечно, от слова «структура». А «структура» понимается так: это множество элементов, которые все со всеми связаны. Некоторые непосредственно, некоторые опосредовано. Но если один элемент меняется, то уже меняется структура. Конечно, может чуть-чуть, но меняется. Выпадение какого-нибудь одного звука в речи как-то отражается на системе в целом. Я не помню, чтобы это было подчеркнуто у Пирса... Де Соссюр и его последователи очень большое значение придают тому, что явления рассматриваются как система уровней. Де Соссюр писал, что есть низший уровень языка – это фонемы, из фонем складываются лексемы, из лексем – предложения. Тут синтаксический уровень уже. Фонологический, лексический, синтаксический уровни. Последователи де Соссюра уже говорят о сверхфразовых единствах, об уровне, условно говоря, абзацев и уже об уровне целого текста, изучают проблему единства текста: почему мы воспринимаем, скажем, «Войну и мир» как единое произведение, какие-то там скрепы существуют.

Тут еще необходимо упомянуть Леви-Стросса. Французский этнолог Клод Леви-Стросс¹. У него много трудов, это французский ученый, который после Второй мировой войны жил среди народов, стоящих на первоначальных ступенях развития в центральной Америке. И главный его труд, большие четыре тома, называется интересно – субстантивированным прилагательным во множественном числе «Мифологические» («Mythologique») [Леви-Строс, 2007]. Нечего и говорить, что я проштудировал все четыре тома. И он оказал наибольшее влияние на распространение структурализма в XX веке.

Де Соссюр вообще был очень замкнутый человек. Его «Курс общей лингвистики» [Ф. де Соссюр, 1999] издали его ученики после его смерти. При жизни у него было 2–3 десятка слушателей лекций всего. «Курс общей лингвистики» переиздавался много раз на разных языках, но тоже только для лингвистов. Пирс... Тоже мне не известно, чтобы он широко был популярен. А Леви-Стросс положил начало структурализму как философскому течению в послевоенной Европе. И о нем как-то прочитал Юрий Михайлович (вроде бы ему кто-то из его окружения посоветовал прочесть). И Лотман увлекся идеями Леви-Стросса и связал с ними свою научную судьбу. Пирса он не читал. Де Соссюра, конечно, читал.

¹ Клод Леви-Стросс (или Леви-Строс) (1908–2009) – французский этнолог, социолог, этнограф, философ и культуролог, создатель научного направления в этнологии – структурной антропологии и теории инцеста (одной из концепций происхождения культуры).

Личность Лотмана была очень сложна. Он решил, что для того, чтобы внести в историю и теорию литературы больше строгости, нужно опереться на структурализм. Но у него был еще один компонент в сознании – художественный. Я в начале сказал, что разные компоненты в его сознании приходили в соприкосновение и даже в столкновение друг с другом. У него был серьезный элемент художественного сознания – он и в мелочах, в быту не прочь был от розыгрыша. И в научных делах <тоже>. В самых серьезных.

Он оттолкнулся от идей де Соссюра и Леви-Стросса, но это не значит, что он за ними последовал. Он создал свой тартуский структурализм. Так стали и писать. Что такое тартуский структурализм, необыкновенно трудно сказать. Я не берусь. Потому что за 20 лет он пережил несколько фаз. Началось вот с чего. Тут элемент воспоминаний. В 1964 году вышла первая книга Лотмана структуралистская (вылетело из головы название – «О структурализме»?) в издании Тартуского университета небольшим тиражом [Лотман, 1994]. Мне ее один знакомый дал на время ознакомиться, я прочитал. Она произвела очень сильное впечатление. В прошлый раз об этом говорил. И через некоторое время уже вышла книга, даже две книги по структуральной поэтике Юрия Михайловича. И там можно прочесть такую вещь... Он не давал определения структурализма, но мы можем прочесть такую вещь: структурализм, то есть математическая статистика. Я еще тогда этого не читал.

Но так сложилось, что меня познакомили с Лотманом. Он вообще проявлял интерес к людям и меня стал расспрашивать, чем я занимаюсь. Я тогда готовил докторскую диссертацию о современной русской поэзии, о стихе, основанной на математической статистике. И меня удивило, что он как-то вычленил меня из окружения и уже запомнил. И потом, когда я ему написал, что я кончаю диссертацию и не могу понять, где ее можно защищать, он мне ответил. <Я спросил> не может ли он выступить официальным оппонентом, когда я найду место, где защищать. Он мне ответил: «Вашим официальным оппонентом я готов быть всегда и везде». Не зная моих работ! Потом я понял, в чем дело. Это была та фаза, когда он считал, что структурализм – это математическая статистика. А у меня все на статистике основано. Сам он, мне рассказывали его ученики, даже пытался посещать лекции по математической статистике у них в университете, но жизнь ему не позволила. Не выдержал, оставил. Я в прошлый раз рассказывал, как интенсивно он жил. Потом я увидел у него такую особенность его личности (я могу добавить из моих наблюдений над явлением «Лотман»): он выделял тех людей, которые в науке знали то, чего он не знал, могли то, чего он не мог. Вот к таким людям он относился с настоящим уважением, а остальные, он просто так был перегружен, что уже проходили мимо его внимания. А если попадался какой-нибудь невежда (были и такие, к нему тянулись самые разные люди, ха-

ризма есть харизма), он мог сказать (конечно, в отсутствии этого человека): «Дурак». При мне об одном очень крупном ученом, который делал очень большую карьеру в государственном масштабе, он при мне однажды сказал: «Этот царедворец». О другом большом ученом, академике, которого все знают и все уважают, но который избегал малейшей научной дискуссии (как раз тогда довольно острая дискуссия о стихосложении шла), он и Зара Григорьевна сказала так, чтобы это было ясно, что это мнение обоих: «Это житель кустов».

Мне повезло в том смысле, что Юрий Михайлович так высоко ставил математическую статистику, а сам ею не владел. У него нет ни одной работы с применением математической статистики. Вот почему сказать, что такое тартуский структурализм, очень трудно. Лотман глава научной школы, он считает, что структурализм – это математическая статистика, а у самого него нет работ на эту тему. Но поэтому он так горячо меня поддержал, он понимал, что это путь к точности в нашей науке, науке о литературе.

Он провел трижды такие школы (так они это называли – Школа по структурно-семиотическим исследованиям) под Тарту, на лоне природы. Туда съезжались москвичи, тартусцы, конечно, и единицы из Ленинграда, еще каких-то городов, а может быть, и нет. Меня Юрий Михайлович никогда не приглашал, и объясняется это тем, что я в своем кругу высказывался скептически о тартуском структурализме. Насколько я восхищался Юрием Михайловичем, даже преклонялся перед ним, могу сказать, настолько я спокойно относился к их научным построениям. Сборники я жаждал получить, и я собрал прекрасную коллекцию изданий Тартуской научной школы. Я в прошлый раз говорил, когда Лотман был у меня в гостях и я подвел его к этой полке, он сказал: «У вас наших изданий больше, чем у меня». Такую шутку позволил себе. Но когда меня спрашивали, вот ты едешь в Тарту, ты общаешься с Лотманом, объясни, что такое структурализм, я говорил: «Структурализм – это то, чем сейчас увлечены Лотман, Успенский, Иванов и Топоров».

Это были центральные четыре фигуры. Успенский Борис Андреевич – это лингвист, профессор Московского университета¹. Владимир Николаевич Топоров² (полтора года тому назад умер) – это был мирового масштаба лингвист, интересы которого простирались от древнерусской литературы на древнегреческий язык и древнегреческую культуру, на латынь и римскую культуру, и средневековые латинское, на санскрит.

¹ Борис Андреевич Успенский (род. 1937) – филолог, лингвист, семиотик, теоретик искусства; доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией лингвосемиотических исследований ВШЭ.

² Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) – лингвист, филолог, доктор филологических наук, действительный член АН СССР, один из основателей московско-тартуской семиотической школы.

У него есть учебник санскрита, и так далее, и так далее. Такой всеобъемлющий ум был. Иванов Вячеслав Всеволодович, которого я уже упоминал. Тоже академик, сын писателя Всеволода Иванова. У них дача была рядом с Пастернаком в Переделкине. И он был молодым человеком, когда Пастернак избрал его в друзья. Уже тогда он был интересен Пастернаку и просто по-человечески, и как ученый, и впоследствии он стал таким же универсальным лингвистом, как я Топорова описал.

И я отвечал вот так: «Структурализм – это то, чем занимаются эти четверо ученых». Чем бы он ни увлекался в это время, об этом он говорил на этих тартуских школах по семиотике. Эти доклады печатались в изданиях по структурализму и все. И другой у меня был ответ (когда я был в плохом настроении): «Структурализм – это когда можно не знать истории литературы». Конечно, к Юрию Михайловичу это не относилось, а в его окружении были очень крупные ученые, которые поражали меня такими страшными лакунами незнаний истории литературы. А ему кто-то это передал (мои реплики).

И наряду с этими компонентами, которые я обрисовал, Лотман обладал огромной интуицией и не пренебрегал ею. У Пушкина сохранился листок с записью двенадцати планов работ, о чем он собирается писать в начале тридцатых годов. Он частично осуществил этот план, частично нет. Каждый пункт плана обозначен одним-двумя словами. Дотошные пушкинисты, дотошно знавшие уже ход его мыслей, понимавшие, расшифровали уже все, кроме одного. Коротенькое слово «Иисус». И Лотман расшифровал тот план. Он благодаря своей огромной интуиции выдвинул очень правдоподобное предположение о том, какой план тут у Пушкина имелся в виду, о чем он собирался писать. И впервые доклад об этом он сделал у себя в Тарту на семиотическом семинаре в моей присутствии. Я приехал к нему гости (я в прошлый раз говорил об этом, он приглашал очень настойчиво нас с женою, мы приехали). Я уже знал его хорошо и предвидел, что встреча будет научной, и привез подготовленный доклад о художественном времени в «Евгении Онегине». Он меня спросил, конечно, могу ли я выступить на семинаре. Я сказал, что могу. Причем доклад с элементами критики Лотмана! В «Комментарии к «Евгению Онегину»» Лотман время действия романа расписывает в соответствии с историческим временем. В таком-то году Онегин приехал в деревню, в таком-то году убил Ленского. Это Лотман-историк, это позитивистский тип мышления. А я считаю, что художественное произведение... Там концы с концами не сходятся, если так следить, разные хронологические пометы приходят в противоречие одна с другой. И об этом привез доклад. Он сказал: «Очень интересно». И в течение часа я читал доклад, потом отвечал на вопросы, потом был задан вопрос Лотману. Студентка спросила: «А можно ли, Юрий Михайлович, задать вопрос не докладчику, а Вам? Как Вы относитесь к докладу?» Он сказал: «Я согласен с основными положения-

ми доклада». Но во втором издании «Комментария» не исправил, оставил все, как было в этом¹. А два моих замечания он учел здесь. А потом он сделал доклад об «Иисусе». А когда мы возвращались, он мне задал такой вопрос, когда я свой доклад прочитал: «Что делал Евгений Онегин в то время, когда он после того, что убил на дуэли Ленского, уехал путешествовать, и до того, как увидел Татьяну Ларину на бале замужней дамой?». Я ответил, что поскольку Пушкин об этом не написал, так нельзя и говорить. Вот мы возвращаемся, а он говорит: «Да, интересно, конечно, знаете, Вадим Соломонович, я думаю, что эти три года Онегин на Волге предводительствовал шайкой разбойников». Я онемел! А он приводит аргументы. Ведь Пушкина в это время, в 30-е годы, страшно волновала проблема дворянина, который пошел против своего класса (Швабрин, Дубровский) и стал во главе разбойников. Сон Татьяны, в котором она видит Онегина предводителем шайки. Значит, у Пушкина были мысли, которые в эту сторону были обращены. Вдохнул и говорит: «Конечно, писать об этом нельзя и даже говорить нельзя, засмеют, а между тем я уверен, что Пушкин в таком направлении думал». Между прочим, он сказал, что Онегин делал в течение трех лет, хотя Пушкин совершенно не пишет, что Онегин три года путешествовал, но вот он считал, что три года прошло. Это еще одна особенность его мышления, которая в корне противоречит всем другим.

Он вживался в эту обстановку². Прообразом его лекций «Беседы о русской культуре» [Лотман, 2005] является «Комментарий к роману "Евгений Онегин"». Здесь есть большой раздел о дворянской культуре начала XIX века, о дуэлях. Когда я был у Лотмана, он мне показывал дуэльный пистон. Он где-то добыл и был страшно доволен. И однажды я проводил в Смоленске огромную конференцию структурно-семиотическую по просьбе Совета по кибернетике АН СССР и знакомых пригласил к себе, человек десять было знакомых. У нас и сейчас квартира небольшая, а тогда и совсем крохотная квартирка, теснота страшная, за столом сидели, тесно прижавшись друг к другу. Стол был уставлен нехитрыми яствами и напитками, и мы сидели рядом с Юрием Михайловичем. И когда мне пришлось разливать водку или коньяк (не помню), я взял бутылку в правую руку и налил ему. Он говорит: «Вадим Соломонович, что Вы делаете?! Я должен был бы вызвать Вас на дуэль! Это же оскорбление – вот так вот наливать. Нужно только так наливать». Но совершенно серьезно! Он жил вот в этом мире!

Круг авторов, о которых писал Лотман, совершенно необозрим. Он видел историю литературы не плоско, а объемно. Я этим хочу сказать,

¹ Речь идет о художественном времени романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

² Речь идет об атмосфере пушкинской эпохи.

что его интересовали не только генералы, классики, но и писатели второго ряда. И он считал, что без понимания второго ряда невозможно понимать и общее движение литературы. И его интересовали какие-то графоманы, которые вообще уже сливались с полуграмотной массой. Он считал, что и их нужно изучать и знать, и извлекать крупницы сведений для понимания общего движения истории литературы.

Он совершенно блестяще и одинаково добросовестно писал и текстологическую заметку, и монографию. Публиковал целые комплексы архивных материалов. Первая его монография о Кайсарове. Был такой тартуский профессор, который в годы наполеоновских войн стал офицером, потом стал писателем. Фамилию знали, никто никогда им не занимался, а Юрий Михайлович целую монографию посвятил. Когда я уже с ним познакомился, стал собирать книги его и его кафедры, мне захотелось иметь и эту монографию. У него просить неудобно, я никогда у него ничего не просил. Я понимал, что и без того к нему все пристают. А я просил у одной сотрудницы его кафедры. Любовь Николаевна Киселева¹. Хочется произнести ее имя. Это была преданнейшая ученица Лотмана. К ней очень по-разному относились. И студенты тоже. Я в прошлый раз рассказывал. Причем она и в быту помогала им, она чуть ли не каждый вечер у них бывала и что-то по дому норовила сделать. И сейчас она заведует кафедрой русской литературы в Тартуском университете. И я в прошлый раз произносил фамилию Сергея Геннадиевича Исакова, если помните, тоже верный друг Лотмана был. Он тоже сейчас заведует кафедрой семиотики в Тарту. Имею случай сказать. Прекрасные люди! Она тогда уже работала на кафедре, ассистентом была. Я у нее спрашиваю: «Как бы добыть монографию о Кайсарове?» Все-таки первая книга Лотмана. Она говорит: «А я Вам сейчас дам». Становится на стул, на шкафу лежит стопка книг. Так они и не разошлись тогда. Надеюсь, что сейчас их там нет. Достает мне одну, дает. И вот у меня есть Кайсаров.

В центре его внимания была последняя четверть XVIII века и начало XIX. Так сказать, послеломоносовское и предпушкинское время. Следствие петровских реформ в области культуры, осуществленное Ломоносовым, и предпушкинская, подготовившая Золотой век русской литературы. А отсюда уже он шел в прошлое и в будущее. Я уверен, что именно занятия этим периодом, когда еще какие-то наследия классицизма проявляются, предромантизм, высокий романтизм, закладывается фундамент реализма, вот этот период сформировал (я себе так представляю) личность Лотмана как ученого. Есть письма его преподавателей (когда

¹ Любовь Николаевна Киселева (род. 1950) – историк русской литературы, ординарный профессор, заведующая кафедрой русской литературы Тартуского университета; член правления Фонда Ю.М. Лотмана, член жюри Национальной литературной премии «Большая книга».

Лотман был студентом, когда после войны учился в Ленинградском университете), которые пишут в таком роде друзьям: «У меня есть такой студент, совершенно необыкновенный! Вы бы слышали, как он выступает на семинарах, какие доклады он делает, какие статьи пишет!». Вот такие отзывы были о Лотмане-студенте. Именно этим периодом он и занимался. В прошлом он Державиным много занимался, Ломоносовым. Вот я говорил, что он очень интересную Ломоносовскую конференцию провел. «Словом о полку Игореве» занимался и летописанием. А если вперед смотреть – он создал три замечательных монографии о Пушкине. Я пытался подсчитать общий тираж этих трех книг о Пушкине, но уже сейчас невозможно охватить все, что выходит на разных языках, но как минимум два миллиона экземпляров. А дальше – Гоголь, Лев Толстой, и так далее, и так далее, до Ахматовой и Пастернака.

Я хочу сейчас некоторые отдельные эпизоды осветить и дальше. Что не успею, на следующий раз перенесу. Кое-что пересекается с тем, о чем я говорил в прошлый раз, но я постараюсь не повторяться. Я в прошлый раз говорил о том, что он был человек необыкновенно скромный и старался как можно больше работы взять на себя. Я, в конце концов, защищал диссертацию у него там, в Тартуском университете. Нигде за пределами Эстонии мне не удалось организовать защиту такой диссертации, основанной на математической статистике. Он же выступил оппонентом. Но подготовка была мучительна к защите. По целому ряду причин. И вот в один мой приезд времени было мало, и ученый секретарь университета, которая очень хорошо ко мне относилась, ждала, на определенный срок назначила встречу и должна была уезжать, а у меня тоже есть 2–3 дня улаживать свои дела. И вдруг выясняется, что лаборант не подготовил нужные бумаги о том, что кафедра рекомендует, что прослушали мой доклад, которого не было, заочно все оформили. И выясняется, что лаборант, который был лодырь, но очень много о себе мнил и считал, что перепечатывать документы – это недостойно его, и не подготовил эти документы, а тут цейтнот. Юрий Михайлович страшно разозлился. Это выразилось вот в чем. У них там, в университете, тогда, по крайней мере, каждая кафедра имела три комнаты. Они были вытянуты, может быть даже длинный коридор, разделенный на три части: центральная (самая большая часть) – общая комната, с одной стороны комната заведующего кафедрой, (каморка, но все-таки отдельная), а с другой стороны лаборантская. И вот мы в лаборантской, компьютеров тогда не было, стоит тяжелейшая чугунная пишущая машинка такая. Лотман хватается ее. Мы с лаборантом не успели даже жеста сделать. Он хватается разъяренный и тащит в свою комнату. Не позволяет отнять у него. Принес, поставил на стол, сел за стол и

отстучал мне эти документы, которых не сделал лаборант. Тут же подписал. И я с этими документами отправился к Маарос¹.

Я бы сказал, что мыслил он и действовал гораздо быстрее нормального человека. Вот эта конференция Всесоюзная семиотическая, о которой я уже несколько раз говорил, проходила довольно в драматических условиях. Приглашения люди получили со всего Советского Союза, причем самых разных специальностей, потому что семиотика затрагивает и медицину, и геологию, и инженерию в самых разных проявлениях. И, конечно, филологи съехались. А когда москвичи, по инициативе которых эта конференция и возникла, которые попросили ее меня организовать, узнали, что будет Лотман, ни один не приехал. Ни Иванов, ни Топоров, ни Успенский, ни их окружение. Приехали очень большие московские ученые из Совета по кибернетике при президиуме Академии Наук, академики, причем по другим специальностям, не филологи. Я их не знал, они меня не знали. Повестки дня нет. Мы договорились с москвичами-лингвистами, что они собирают людей, рассылают приглашения, составляют программу, а я все в Смоленске организую (помещение, гостиницу, кормежку, автобус и так далее, культурную программу). Тоже хватало работы. У меня, конечно, были помощники. А они не приехали. И программы нет. Списков участников нет. Сегодня вечером они приехали, завтра утром начинается конференция. Решили, что на первом заседании они будут сами читать доклады свои, которые привезли, а там посмотрим. Им, академикам, это может быть и привычно, а я не могу так. Я все-таки человек порядка. Ну и что? Я подхожу к человеку и говорю: «Как Ваша фамилия? Какой у вас доклад? Напишите, пожалуйста». Собрал такие листочки, некоторые на обрывках каких-то писали, кто-то вырывал из записной книжки. Я собрал такие сведения. Тем временем начинается конференция, читаются доклады, один, другой. Я сижу в президиуме, собрав эти клочки. И вижу, что среди публики сидит Юрий Михайлович. Он приехал ночью, по своей великой скромности не предупредил меня. А с Тарту очень плохое сообщение в Смоленске. И сидит там. Во время перерыва пятнадцатиминутного я кидаюсь к нему, спрашиваю: «Не нужно ли кофе крепкого?». Он говорит: «Нет, я боюсь». Я ему говорю, что вот такое положение. Он улыбнулся и говорит мне: «Идемте». Потасил меня к окну в коридоре. Стали мы у окошка, взял он у меня эти листочки и тут же стал диктовать мне программу. Прямо вот на ходу. Причем так, что однотипные доклады рядом идут. Я записываю в записную книжку. Перерыв кончается, я уже иду не в президиум, а нахожу машинистку, которая перепечатывает программу не всей конференции, а следующего дня, и вы-

¹ Речь идет об ученом секретаре Тартуского государственного университета.

вешиваю ее. Перерыв. А уже есть программа на завтра. Завтрашние докладчики знают. И так до конца конференции. Три дня. Причем второй-третий день по несколько секций было, а он все один делал. Он мыслил в несколько раз интенсивней, чем обыкновенный человек. Я вынужден на этом кончить.

Приглашаю всех, кого не разочаровал на этот раз.

– Вадим Соломонович, у Вас сохранился отзыв Лотмана о диссертации?

– Конечно!

– Много там было замечаний?

– Всего одна страница.

– Для ВАКа?

– Да, да. Это писалось так. Он попросил меня что-то сделать из того, что он должен был для кафедры. Я не помню. И сказал: «Я пока буду работать на Вас». И составил отзыв. Отдал Заре Григорьевне, она отпечатаала.

– Это было во время Вашего очередного приезда?

– Да.

Лекция 4

Я хочу обратить внимание на то, что хотя Юрий Михайлович Лотман умер давно, его имя продолжает оставаться притягательным, и не одна тема из моего курса, а были и замечательные ученые, не собирала такую аудиторию, как вот эта. В прошлый раз я предупредил, что собираюсь сегодня воскресить несколько эпизодов, в которых, как мне кажется, проявлялась личность Юрия Михайловича особенно убедительно.

С горечью я должен сказать, что до самого конца жизни Юрий Михайлович Лотман и жена его, Зара Григорьевна Минц, жили в бедности, в такой бедности, которую даже трудно себе представить. Печатались они преимущественно в Тартуских изданиях безгонорарных, конечно. Зарплаты профессорские (Зара Григорьевна стала профессором поздно), и вообще сотрудников университетов, были не особенно значительные, а семья была огромная, все возрастала. У них было три сына, а потом еще появились две невестки и восемь внуков и один внук.

Впервые я приехал в Тарту в 1971 году. У них была большая квартира с печным отоплением, печи топил Юрий Михайлович. Спал он на алюминиевой раскладушке. У них был очень гостеприимный дом. Когда вечером собрались гости (сотрудники кафедры заходили, вот и я приехал по научным делам) выяснилось, что обеденного стола нет на такую компанию. Появились козлы, на них положили доски, доски покрыли скатертями (я подозреваю, что это были простыни). На ужине главным блюдом была картошка в мундирах.

Я рассказывал, что по поручению Совета по кибернетике Академии Наук проводил в Смоленске большую семиотическую конференцию, на которую и Юрий Михайлович приехал со старшим сыном. И во время конференции (она, наверное, длилась три дня, насколько я помню) он взял у меня взаймы двадцать пять рублей. Обещал сразу же по приезде в Тарту выслать. Через некоторое время пришло из Тарту от него письмо. Там по делу и с извинением, что он не может выслать эти двадцать пять рублей. Обещал выслать попозже и действительно позже выслал этот свой долг. Я сохранил почтовый перевод, сохранил письмо его это. Я считаю, что это, конечно, позорное явление. Не для него, разумеется, а для нашего общества того времени – первой половины 70-х годов.

Потом положение изменилось к лучшему, Зара Григорьевна защитила докторскую диссертацию и через несколько лет была утверждена. Но так они до конца жизни и не выпутались из тяжелейших денежных затруднений. Началась перестройка. В 1990-м году меня впервые выпустили за границу. Я приехал в Соединенные Штаты, в Калифорнию, в Стэндфордский университет на огромную русско-американскую научную встречу, посвященную столетию со дня рождения Пастернака. Огромная встреча не в том значении, что было много участников. Я как раз считаю, что чем больше участников, тем меньше надежды на серьезный научный результат. А вот нас было десять человек из России и десять из США и Канады, всего двадцать человек. И мы десять дней читали доклады и обсуждали их. Только посередине один день уж хозяева устроили передышку.

И вот во время одного из заседаний встает одна из участниц. Она Пастернаком не занималась (но там только половина была людей, которые Пастернаком занимались), но это видный литературовед, а сейчас даже она занимает заметное место в общественной жизни – Мариэтта Омаровна Чудакова¹. Она один из лидеров Союза правых сил². Встает и говорит, что она получила письмо от Юрия Михайловича Лотмана, они с Зарой Григорьевной поехали куда-то за границу (я сейчас не помню, это можно восстановить, я веду дневник и там, очевидно, это записано). Где-то они за границей были, и она тяжело заболела, а у него нет денег. И она обратилась с воззванием собрать денег для них. Мне было больно это слышать. Я уже говорил, как я преклонялся перед этим человеком. Мне все в нем казалось чудесным. Но представляете, человек прошел всю войну, четыре года в артиллерии, был связистом в артиллерии, начал солда-

¹ Мариэтта Омаровна Чудакова (1937–2021) – литературовед, историк литературы, текстолог, доктор филологических наук, член Европейской Академии; писатель и общественный деятель.

² Союз правых сил (СПС) – официально зарегистрированный российский избирательный блок и праволиберальная политическая партия, существовавшая в РФ в 1999–2008 годах.

том, а кончил сержантом – и не одной царапины. Я считал, что это Бог его хранил для нас, для науки. Но я не буду второй раз повторять то, что я о нем говорил. Я после окончания этой научной встречи должен был ехать в Мэдисонский университет – это центр американской пушкинистики. Билеты уже были взяты и до Мэдисона и от Мэдисона до Вашингтона, до Москвы. Билеты у меня были, я прикинул, сколько мне нужно денег, чтобы не умереть с голоду и остальные отдал Чудаковой. И поинтересовался, сколько всего она собрала денег. И оказалось, что очень мало. Не хочу ничего скрывать. Там было десять американцев и десять русских. Когда я прилетел в Москву, меня в аэропорту встретила жена и первое, что она мне сказала: «Умерла Зара Григорьевна».

В апреле 1975 года в Тарту проходила Третья Блоковская конференция. Зара Григорьевна... Это была обаятельная женщина, по-своему, конечно. То, что она сделала, ничуть не уступает тому, что сделал ее муж. Она в те годы, когда изучение литературы рубежа XIX–XX веков фактически было под запретом, организовала центр изучения этой литературы, которую теперь мы называет литературой Серебряного века. А тогда ни-ни! Этого словосочетания нельзя было в печати употреблять. Какой там Серебряный век?! Позорное десятилетие! Так это называлось. Она проводила Всесоюзные конференции (международные тогда не разрешалось), и издавала сборники, преодолевая колоссальное сопротивление цензуры. И фактически все люди (не все, конечно, но все люди старшего поколения, которые сейчас занимаются Серебряным веком) прошли через конференции Зары Григорьевны в Тарту.

Вот Третья Блоковская конференция. У меня в дневнике записано: «Самое интересное в жизни!» Это до 75-го года самое интересное в жизни. После этого мне пришлось пережить еще две такие научные конференции – это Первые Пастернаковские чтения в Москве (уже когда перестройка шла)¹ и Русско-американская школа по изучению Серебряного века, которую мы провели у себя в университете с американцами². Причем не только литературоведы были, но и историки. Там были крупнейшие ученые США, русисты и нашей страны. И наряду с этим участвовали две студентки наши. Одна из них сегодня присутствует здесь. Это доктор филологических наук Ирина Викторовна Романова³, а тогда студенткой прочитала доклад, который при-

¹ Первые Пастернаковские чтения состоялись в Москве в мае 1987 года по инициативе Комиссии по литературному наследию Бориса Пастернака.

² Русско-американская школа состоялась в Смоленском государственном педагогическом институте летом 1993 года.

³ Ирина Викторовна Романова (род. 1973) – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета, ученица и последовательница В.С. Баевского.

влек всеобщее внимание и получил высокую оценку и московских, и американских ученых. Все смотрят на Ирину Викторовну, как на наглядное пособие.

За три месяца до конференции 1975 года я в Тару защитил докторскую диссертацию. Юрий Михайлович и Зара Григорьевна нашли, что я великолепно держался во время защиты. На самом деле, конечно, я просто со страху окаменел и старался как можно меньше шевелиться. А незадолго до моей защиты мне рассказал один мой младший приятель, как его чуть не провалили на защите в Институте иностранных языков. Он там учился в Москве, потом аспирантуру прошел, казалось бы, все должно было безоблачно быть, а на защите он получил ровно столько голосов, сколько нужно было для положительного решения. То есть треть совета проголосовало против. Он спросил у своего научного руководителя, почему такой результат, ничего подобного он не ждал. Научный руководитель ему сказал: «Вот вы тихо говорили от смущения, а у нас есть такой-то, такая-то, которые плохо слышат. И если только диссертант тихо говорит, они голосуют против. Они говорят: “А я не знаю, о чем он там говорил. Как я могу голосовать «за»?” А Вы оперлись о кафедру, когда говорили. А там были разговоры: “Он не умеет себя вести и не умеет себя держать”». И еще какие-то замечания. Я все это учел. А я в Тарту. Понимаете, эстонцы в массе были настроены против русских и против людей из России, и с этим тоже приходилось считаться. Хотя Юрий Михайлович меня уверял, что это не должно сказаться на моем результате, но все-таки некоторая тревога была, некоторые волны доходили. И я, не обладая офицерской выправкой, старался за кафедрой держаться ровнее и не опираться на нее, говорить старался громко, членораздельно. И защита прошла идеально. Все «за», ни одного голоса не было «против». И тогда Юрий Михайлович и Зара Григорьевна стали просить меня председательствовать на тех заседаниях, на которых предполагались какие-нибудь неприятности. И я не смел отказаться, я был им бесконечно благодарен за поддержку.

И вот прекрасный актовый зал Тартуского университета. Конференция шла в таком режиме: начиналась поздно, часов в одиннадцать, потому что Юрий Михайлович днем бывал занят очень плотно и университетскими делами (он заведовал кафедрой тогда), и лекциями. Он читал лекции за больных коллег (я рассказывал об этом). Кроме того, он брал на себя домашние дела: он покупал еду на всю большую семью и на гостей возможных. По ночам работал, наукой занимался, а под утро на несколько часов ложился спать. И в одиннадцать начиналась конференция и шла до вечера. Актовый зал огромный, набит битком, человек двести по моей оценке. Съезжались из Ленинграда, конечно, из Пскова, из ближайших городов, но приезжали и из Москвы.

А кто-то и из Сибири. Огромный зал. Я сижу на возвышении таком. За кафедрой Сергей Сергеевич Аверинцев¹ – это ныне покойный ученый, был звездой первой величины в нашей науке, особенно Лихачев² его выдвигал. И он (вот Ларисы Викторовны³ сегодня нет) читает доклад о Вячеславе Иванове⁴. Наверное, первый доклад о Вячеславе Иванове в СССР. А следующая в программе Зара Григорьевна Минц, которая должна читать первый доклад в СССР об Иване Коневском⁵. Это значительно менее известное имя, чем Вячеслав Иванов, он очень рано умер. Это один из первых русских декадентов. В распоряжении Зары Григорьевны (уж я не знаю, как, и не было времени расспросить) попал сундук с его рукописями. Представляет? А было известно полтора-два десятка его стихотворений до этого. И она на материале этого сундука рукописей подготовила доклад большой. А время идет, Аверинцев все не кончает, уже поздно. Что делать? Я попросил его закруглиться, сказал, что у нас еще доклад Зары Григорьевны об Иване Коневском. «Ах, да, да, да, простите, простите!» И уступил свое место. И потом публика также напряженно слушает ее доклад. Я сказал, что с одиннадцати и до вечера, часов до десяти, один перерыв был сделан на час-полтора, может быть, чтобы пообедать. А дальше кто-то входил, кто-то выходил в перерывах между докладами. Но доклады и их обсуждения шли в течение, допустим, десяти часов подряд. И это неделю. Причем те имена, которые были под запретом в Советском Союзе, за пределами Эстонии, там произносились, и не просто произносились, а о них доклады читали. Такая конференция.

Я уже рассказывал как-то, что Юрий Михайлович неоднократно зазывал нас с женой приехать просто так к ним, пообщаться.

¹ Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) – филолог, культуролог, историк культуры, философ, литературовед; поэт, переводчик; член Папской академии общественных наук

² Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) – филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор; председатель правления Российского (Советского до 1991 года) фонда культуры.

³ Лариса Викторовна Павлова (род. 1963) – доктор филологических наук, профессор Смоленского государственного университета, ученица и последовательница В.С. Баевского; специалист по творчеству Вяч. Иванова и литературе Серебряного века.

⁴ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) – поэт-символист, философ, литературный критик, идеолог символизма, исследователь дионисийства; одна из ключевых и наиболее авторитетных фигур Серебряного века.

⁵ Иван Иванович Коневской (наст. фам. Ореус; 1877–1901) – русский поэт, один из основоположников и идейных вдохновителей русского символизма, литературный критик.

Я это понимаю. Я дружил с Давидом Самойловым¹, который переехал из Москвы в Пярну, тоже в Эстонии. И он тоже зазывал нас. Все-таки им там не хватало общения со своими людьми. Конечно, у Лотмана кафедра была, но я уже говорил, что у него на кафедре была далеко не безоблачная обстановка. И кафедра ему приносила много радости и много горя. Мы с женой не решались, хотя нам приятно было, интересно, хотелось бы, но не решались. Мы понимали, что их это выбьет как-то из колеи. А однажды я работал в Ленинграде в Публичной библиотеке, и Лотман меня там увидел. И договорился со мной, что выйдем вместе, когда будем уходить. Уже перед закрытием мы вышли из библиотеки. Дело было летом. Белые ночи. Мы еще довольно долго гуляли по Невскому проспекту (библиотека на Невском проспекте стоит). Разговаривали о разных вещах – о научных и ненаучных. И он взял с меня слово, что вот скоро мы к ним приедем. Это было в 80-м году. Мы с женой поговорили, что они к нам так внимательны, надо пригласить их в ресторан. Жена заранее узнала, договорилась, что мы их приглашаем. А он говорит: «Вадим Соломонович, Эда Моисеевна, Вам что не нравится, как я готовлю?» И не пошли в ресторан.

Тут я прошу прощения перед несколькими слушателями, при которых этот эпизод я уже излагал, просто я вижу здесь много новых лиц, и я хочу об этом сказать. На меня самого этот эпизод произвел большое впечатление.

Когда я приехал в Тарту в этот раз, Юрий Михайлович сказал: «К Вашему приезду я приурочил заседание моего семиотического семинара. Буду там читать доклад о Пушкине. Нет ли у Вас чего-нибудь?» Конечно, так экспромтом нельзя. Но я к тому времени уже хорошо знал Лотмана, знал, что у него наука и быт нераздельны, и привез доклад. И решил, что если он не предложит, то я и не скажу ему об этом. А тут я ему говорю: «Хорошо, я тоже прочту доклад, тоже о Пушкине». Он обрадовался. И вот назначено время семинара, часа четыре вечера. Идем мы вчетвером. Я спрашиваю, много ли народу будет. Он отвечает как-то неопределенно: «Не знаю, посмотрим». Открывается дверь в аудиторию. Большая аудитория, полная, битком набитая народом от студентов до профессоров их кафедры. Человек сто. Все «Русское отделение». Они одну группу набирали и пять лет студенты учатся. Допустим 120–125 студентов. Сто ручаюсь, что было. Конечно, это тоже влияние среды. Им тоже хотелось прильнуть к Пушкину. Юрий Михайлович предоставил возможность мне первым читать доклад, я спросил о времени, он сказал: «Мы на семинаре время на доклады не ограничиваем». Пятьдесят минут я

¹ Давид Самойлов (настоящее имя – Давид Самуилович Кауфман; 1920–1990) – поэт и переводчик. Друг В.С. Баевского, который написал первую монографию о творчестве поэта. См.: [Баевский, 1986].

использовал. Я боялся, что больше уже утомит слушателей. Причем <доклад> содержал полемику с Лотманом. И я предупредил Юрия Михайловича. Так что он мог меня и не приглашать читать. Начались вопросы. Задали вопросы мне, затем одна студентка поднимает руку и говорит: «Юрий Михайлович, а можно задать вопрос Вам? Как Вы относитесь к докладу?» Он говорит: «Я согласен со всеми основными положениями». Чувствуете? Какая широта! У меня записано в дневнике: «По аудитории пронесся шум». Я считаю это очень важным моментом. Вы знаете, мне жаловались его ученики, что с Юрием Михайловичем невозможно полемизировать, что он закрыт для полемики. В таких выражениях говорили. Мой опыт показывает, что это не так. Видимо, они не предъявляли довольно веских аргументов. Я и кроме этого доклада несколько раз указывал Юрию Михайловичу на его промахи в научных работах, и он всегда с благодарностью мои замечания принимал. «Ошибка в научной работе, как обман в жизни», – один раз он так при мне сказал на Ломоносовской конференции у них. Я о ней еще буду говорить. После моего доклада и после его обсуждения (я посмотрел на часы – около двух часов прошло) я пожалел, что не будет доклада Юрия Михайловича. Но в Тарту другие нравы были. Был объявлен перерыв минут на двадцать (я сейчас уже не помню). Кто-то пошел кофе выпил в буфете или кафе, кто-то просто продохнул. И после этого часовой доклад Юрия Михайловича. У меня впечатление, что ни один человек не ушел перед его докладом. Также внимательно выслушали его доклад, также живо обсуждали.

И вот Ломоносовская конференция. Ноябрь 1986 года. Я прочитал доклад, в котором стихотворную реформу Тредиаковского... Мы призывали говорить «стихотворная реформа Тредиаковского-Ломоносова», а я вижу там две разные реформы; и если прочитать трактаты один и другой, то это становится совершенно очевидно... И я реформу Тредиаковского связал с эстетикой барокко, а реформу Ломоносова – с эстетикой классицизма. И был очень доволен. Но каково же было мое удивление, когда после моего доклада Юрий Михайлович выступил с энергичными возражениями. Он сказал приблизительно так: «Вот Вы рассказывали об очень интересной работе, но зачем Вы привлекли барокко и классицизм? Разве Вы знаете, что такое барокко? Разве мы знаем, что такое барокко? Разве Вы знаете, что такое классицизм? Разве мы знаем, что такое классицизм? Зачем Вам эти абстракции?» И дальше стал говорить, что материал, которым я оперировал, вот эти два трактата, не поддается обобщению больших стилей эпохи – барокко, классицизм. А его слова о том, что мой доклад был очень интересным, за исключением этого, это был просто реверанс, чтобы я не обиделся. Потому что смысл моего доклада в этом и состоял, что я связал первую реформу с барокко, а вторую – с классицизмом. Передо мною как раз Юрий Михайлович прочитал очень интересный доклад, в котором говорил о явлениях литературы XVIII века, ни разу

не произнеся этих терминов. Вот о XVIII веке без терминов барокко и классицизм! И в то время я заметил эту тенденцию у самых крупных наших филологов – Владимира Николаевича Топорова, Михаила Леоновича Гаспарова¹, покойных, у некоторых еще здравствующих. И мне это очень не нравилось. Они говорили: «время Ломоносова», «время Тредиаковского», «время Сумарокова», «время Державина». Они, в сущности, возвращали нас в донучный период, когда Белинский вот так вот говорил о литературных эпохах, еще не имея термина, но уже чувствуя их, особенности этой каждой эпохи называя именем того или иного поэта. «Карамзинский период», «время Державина» и так далее. Я после Юрия Михайловича взял слово и высказал ему такие сомнения, о которых сейчас сказал. И думал, что все. Но нет. Он опять взял слово и по-новому, но ту же самую мысль провозгласил, но уже не удобно было третий раз говорить, надо было уступить место другим. Эту дискуссию подхватили присутствовавшие. Она оказалась интересной. И очень интересно (я бы сказал, что это одно из самых памятных мне выступлений Юрия Михайловича), очень интересно он в заключительном слове своем говорил в продолжении этой дискуссии. Он говорил так, суть была такая: XVIII век нам известен плохо, хуже, чем был известен XVIII-ый XIX-му веку. Вот он такой парадокс высказал. Но он его и очень убедительно мотивировал. Он говорит, что изданий писателей XVIII века на современном научном уровне у нас нет. И действительно, если мы задумаемся, у нас нет.

Вот, пожалуйста, в университетской библиотеке есть гротовское издание Державина, начало XIX века, полное собрание сочинений [Державин, 1864–1883]. У кого будет желание, подержите в руках, посмотрите. Ничего подобного вы не найдете в научной литературе XX века. Но есть Державин в большой серии «Библиотеки поэта» – это лучшее его издание [Державин, 1957]. Так это может быть двадцатая, тридцатая доля того, что он написал. Причем большие его сочинения во фрагментах представлены. Даже так. Я занимался верлибром, свободным стихом. Насколько я установил, первые опыты верлибра (это не то, что Юрий Михайлович говорил, а это мои слова в поддержку его идеи) принадлежат Сумарокову. Он верлибром изложил на современном ему русском языке все библейские псалмы (там, кажется, 154)². До того, как я обратился к прижизненным изданиям Сумарокова, для меня это было полным сюрпризом, я знал два-три перевода, которые были в хрестоматии. Уж в советское время библейские псалмы, вы понимаете, что не горели желанием перепечатывать. Он кончил призывом начать изучение XVIII века заново.

¹ Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005) – литературовед, филолог-классик, стиховед, переводчик, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН (ранее АН СССР); писатель.

² В состав «Псалтыря», книги «Танаха» и «Ветхого Завета», входит 151 псалом согласно принятой в Православной церкви нумерации.

И в свете его взглядов, понял я, конечно, мои вот эти рассуждения о том, как соотносятся трактаты Тредиаковского и Ломоносова с барокко и классицизмом, казались поверхностными. Вот такой вывод можно сделать.

Здесь в основном присутствуют филологи. Я прошу поднять руку того, кто прочитал полностью «Езду в остров любви» Тредиаковского. Я поднимаю руку. Знаете, где я прочитал? В Королевской библиотеке в Брюсселе. А это произведение, с которого началась новая русская поэзия. И никто не прочитал не по лености, а потому что у нас в стране невозможно найти это произведение. То есть, конечно, если жить в Москве или Петербурге, затратить время, силы, можно добыть в Отделе редких книг. Но мне не удавалось. А я начал писать «Историю русской поэзии» [Баевский, 1994; 1996]. У меня не было другого выхода, как поехать в Брюссель, в Бельгию.

Во время этой дискуссии еще был любопытный для меня момент. Юрий Михайлович сказал: «Не нужно бояться обобщений в терминах больших стилей эпохи», то есть противоположное тому, что он говорил в дискуссии со мной. «Надо только понимать, насколько плохо мы их знаем. Вот, например, а знаем ли мы, что такое романтизм? Он уже в XIX век вошел со своим критицизмом. А между тем все равно этот термин полезен», – сказал он. И я считаю, что вот тут он был абсолютно прав. И я даже для себя сделал такой вывод, которым иногда делюсь и со студентами. Я упоминаю, потому что это навеяно Юрием Михайловичем. Мне не хочется, чтобы это пропало. В литературоведении есть термины жесткие и есть термины мягкие. Если мы произносим «четырёхстопный ямб», то тут не может быть двух мнений. Этот текст или четырёхстопный ямб, или не четырёхстопный ямб. А если мы произносим, допустим, «романтизм» или «экспрессивный ореол пятистопного хоря»? Один может сказать, что это романтическое произведение и привести аргументы, другой может сказать, что это не романтическое произведение и привести свои аргументы. Один может сказать, что это стихотворение обладает экспрессивным ореолом пятистопного хоря, а другой будет это отрицать. Значит, это явление пограничное. И к этому нужно относиться с великим уважением. Может эти пограничные явления и наиболее показательны для истории поэзии, истории литературы, они показывают, как одно явление переходит в другое, как движется литературный процесс.

Вот так было дискутировать с Лотманом. А они говорят: «Лотман закрыт для дискуссии!».

В декабре 1978 года по инициативе Кирилла Васильевича Чистова... Надо сказать, кто такой Кирилл Васильевич Чистов¹. Это большой

¹ Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007) – фольклорист, этнограф; доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

мой друг. Это член-корреспондент Академии Наук, крупнейший этнограф и фольклорист, сейчас, увы, дряхлый старик.

Он воевал, попал в плен, бежал, нашел партизан и всю войну в партизанском отряде провел. Он кончил до войны Ленинградский университет. И вот по его инициативе в 1978 году в университете отмечалось 90-летие, покойного тогда уже, Константина Марковича Азадовского¹. Это был учитель Чистова, крупнейший фольклорист. Есть два тома «Истории русской фольклористики» – это единственный серьезный труд по истории русской фольклористики, он принадлежит Азадовскому [Азадовский, 1958].

Вечер прошел при великом стечении народа. Мне так повезло, я в это время приехал в Ленинград по научным делам, и Чистов, конечно, пригласил меня на этот вечер. Вечер был назначен в самой большой аудитории, но народу сбежалось столько, что она всех не вместила и перенесли в актовЫй зал, задержали начало. Актовый зал Петербургского университета! И он оказался набит битком. Я хотел сделать приятное Чистову, сказал ему: «Подумайте, какое стечение народу!». А он сказал: «Я прежде всего обратился к Юрию Михайловичу Лотману и Григорию Абрамовичу Бялову²». Это был очень популярный университетский профессор, самый популярный, по крайней мере, из литературоведов в Ленинградском университете. «Когда они согласились принять участие, я понял, что вечер пройдет как надо», – сказал Чистов. И я могу сказать, что Чистов не зря рассчитывал на участие Лотмана. Лотман выступил блестяще! Необыкновенно! Я вечером, придя в гостиницу, в которой жил, кое-что записал и по этим записям сейчас имею возможность Вам рассказать. Я прочту, как у меня записано: «Он совместил мемуары об Азадовском с воспоминаниями о своей войне и с научным докладом о лубке, о народном искусстве. Перед войной, когда Юрий Михайлович был студентом второго курса, Азадовский предложил ему тему о слушателях фольклора для курсовой работы. Юрий Михайлович ее недооценил и избрал для курсовой работы тему по “Молению” Даниила Заточника. Тему, от которой он отказался, Юрий Михайлович вспомнил весной 1945 года на Одере, в маленьком германском городке. Сержантом артиллерийских войск он вел наблюдения за позициями неприятеля с чердака дома. Чтобы не было скучно, он

¹ Речь идет о Марке Константиновиче Азадовском (1888–1954) – фольклористе, литературоведе, этнографе, докторе филологических наук, профессоре Ленинградского государственного университета; члене Союза советских писателей. Вероятно, В.С. Баевский вместо него упомянул его сына Константина Марковича Азадовского (род. 1941) тоже литературоведа, кандидата филологических наук.

² Григорий Абрамович Бялый (1905–1987) – литературовед, специалист по истории русской литературы XIX века, доктор филологических наук, профессор ЛГУ, литературный критик

принес на наблюдательный пункт старые немецкие книги. Внимание солдат привлек альбом Гольбейна¹. Они стали рассматривать гравюры, один из солдат стал импровизировать по поводу изображения. «Я понял, – говорил Юрий Михайлович, – что народное восприятие картинки подразумевает обсуждение ее, ее трогают руками, в нее тычут пальцем, с нею общаются, лубок связан с текстом, причем не только печатаемым, но и импровизируемым. Профессиональное искусство создает статую, которую созерцают молча. Народное искусство создает куклу, с которой играют, разговаривают, которую одевают, пеленают. Теперь бы я мог ответить Азадовскому на вопрос, поставленный в теме курсовой работы, которую он предложил. Да его нет»». Так Юрий Михайлович кончил свое слово. И на следующий вечер я снова слушал Лотмана. Вот такое совпадение, так мне повезло.

Теперь в замечательном Доме ученых... В Петербурге замечательный Дом ученых, позже мне пришлось там и выступать. Это чей-то дворец, который сохранился в первозданном виде. Там зимний сад, камин². И встреча, на которой я был (на этот раз меня Юрий Михайлович пригласил), была из серии «Беседы у камина». Так назывался цикл встреч, посвященный проблеме интеллекта. Вот вы посмеиваетесь, а в конце 70-х годов, когда начали входить в жизнь компьютеры... Они еще не назывались у нас компьютеры, а назывались ЭВМ – электронно-вычислительные машины. Я работал на такой. Знаете, какого размера была такая ЭВМ? Она помещалась в особом зале, в котором не было парового отопления. Она выделяла столько тепла, что зимою отапливала свое помещение. Трудно представить себе, что за несколько лет, пусть за двадцать лет, такой огромный путь проделали эти приборы. Я еще помню время, когда я крутил ручку механического устройства. Я помню такой эпизод. Например, приехал в СССР крупнейший американский специалист по теории стиха профессор Гарвардского университета Кирилл Федорович Тарановский³. Я с ним созвонился, пришел в гостиницу Академии наук, где он

¹ Ганс Гольбейн (Младший) (1947–1543) – живописец, один из величайших немецких художников. Самый знаменитый представитель рода Гольбейнов, давшего миру несколько поколений художников.

² Дом ученых имени М. Горького РАН – объединение работников научных учреждений и высшей школы, старейший в бывшем СССР творческий клуб научной интеллигенции. Создан в 1920 году. Находится в Санкт-Петербурге в доме 26 на Дворцовой набережной – бывшем дворце Великого князя Владимира, третьего сына императора Александра II. Дворец был построен по проекту архитектора А.И. Резанова в 1867–1868 годах.

³ Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993) – югославский и американский филолог-славист, один из наиболее известных стиховедов XX века; преподавал в Белградском и Гарвардском университетах.

остановился. И когда уже обо всем было переговорено, он достал из кармана калькулятор (!) и сказал мне: «Вот Вера Любомировна, – это его жена была, – ходит с таким калькулятором в магазин и подсчитывает, чтобы ее не обсчитали». А я привез калькулятор Андрею Николаевичу Колмогорову¹. У Колмогорова не было микрокалькулятора, когда в Америке жена Тарановского в магазин ходила с калькулятором.

И вот когда компьютеры стали все же входить в нашу жизнь, одна из главных проблем была, как отличить компьютер от человека. Всем понятно, не спутаешь так по виду. Но как обосновать разницу? Английский инженер Тьюинг² предложил такой опыт. В другой комнате находится компьютер. Задайте компьютеру вопрос и по ответу постарайтесь понять, компьютер это или человек. Оказалось, что очень трудно. У меня тоже одно предложение появилось. Вот о машине Тьюринга предполагался разговор. Стоял суровый мороз. Дискуссия у камина, в камине горели дрова, оттуда живой жар распространялся. Народу было немного. Просто это Дом ученых, и пускали туда по приглашениям. Была такая программа намечена: «Интеллект естественный, искусственный и коллективный». Дальше вопроса, что такое интеллект, не пошли. Приглашены были крупнейшие специалисты: крупнейший биолог какой-то (сейчас уже не помню), крупнейший инженер и Юрий Михайлович. У меня в дневнике записано так, совсем коротко... Это же я не на ходу писал, не конспектировал, а уже после всего, вечером, у меня такая была система. Я и сейчас, когда провожу консультацию, то прошу студентов и аспирантов не писать, когда я говорю, а потом. Я думаю, что это полезней, это больше мобилизует память. Биолог: «Система, стремящаяся доминировать над окружающими. Естественный интеллект». Инженер: «Система, способная вычленять себя из окружающей среды». У меня написано: «Я бы, исходя из Бергсона (крупнейший французский философ начала XX века)³, добавил: система, способная воспринимать юмор». Задаст какой-нибудь вопрос юмористический. Лотман: «Система, способная создавать метаязыки и для само-

¹ Андрей Николаевич Колмогоров (1903–1987) – крупнейший математик XX века, один из основоположников современной теории вероятности. Дал положительный отзыв на докторскую диссертацию В.С. Баевского «Типология стиха русской лирической поэзии» в тот момент, когда после успешной защиты в Тартуском университете ВАК ее не утверждал.

² Алан Мэтисон Тьюринг (1912–1954) – английский математик, логик, криптограф, существенно повлиявший на развитие информатики. Кавалер Ордена Британской империи, член Лондонского королевского общества. В 1936 году предложил абстрактную вычислительную «Машину Тьюринга», которую можно считать моделью компьютера общего назначения.

³ Анри-Луи Бергсон (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Профессор Коллеж де Франс, член Французской академии; лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 года.

описания». Об этом можно было бы порассуждать. И у меня записано: «И здесь, на мой взгляд, как и вчера, чемпионом оказался Лотман».

16 декабря 1989 года завершалась в Тарту конференция, которую устроили ученики Юрия Михайловича, на глазах которых истекали последние месяцы его жизни. И Юрий Михайлович попросил меня выступить с заключительным словом на заключительном заседании. Не заранее, а прямо во время заседания. Предполагалось, что он выступит. Он мне написал, что ему тяжело и просит меня. У меня все письма и записки Юрия Михайловича сохраняются, я даже их уже публиковал [Лотман, 1997]. Накануне мы узнали о смерти академика Сахарова¹. И оба дня работы конференции прошли под этим впечатлением.

Подводя итоги, я вспомнил академика Сахарова. Я высказал вполне тривиальную мысль: «Пока мы живы, мы обязаны в любых обстоятельствах продолжать свое дело и дело ушедших». И подкрепил ее известными стихами:

Итак, вперед, не трепеща,
И утешаясь параллелью,
Пока ты жив, и не моща,
И о тебе не пожалели. [Пастернак, 1990, т. 1, 374].

И вскоре, действительно, пришло известие о его смерти.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М.К. История русской фольклористики. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. 482 с.

Баевский В.С. Давид Самойлов. Поэт и его поколение. М.: Советский писатель, 1986. 256 с.

Баевский В.С. Из писем Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц. Публикация // Русская филология. Смоленский гуманитарный университет. Смоленск: Траст-Имаком, 1994. С. 12–17.

Баевский В.С. Историк-мыслитель <О Ю.М. Лотмане как историке литературы> // Вперед (Тарту), 1987. 5 марта.

Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1980. Компендиум. Смоленск: Русич, 1994. 302 с. То же допол.: М.: Новая школа, 1996. 320 с.

Баевский В.С. Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. 506 с.

Баевский В.С. Ю.М. Лотман – комментатор «Евгения Онегина» // А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Комментарии Ю.М. Лотмана и В.С. Баевского. СПб.: Вита нова, 2002. С. 627–681.

¹ Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) – физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы; общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР, лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год за сохранение мира.

Данилкин Л. Знак беды. Гонкуровский лауреат Мишель Турнье призывает держаться подальше от торфяных болот // Известия (Москва). 2000. 31 марта.

Державин Г.Р. Сочинения / Под ред., коммент. Я.К. Грота. В 9-ти тт. СПб.: Императорская Академия наук, 1864–1883.

Державин Г.Р. Стихотворения (Серия «Библиотека поэта», Большая серия; Второе издание) / Вступ. ст., ред. Д.Д. Благого. Л.: Советский писатель. 1957. 474 с.

Леви-Строс К. Мифологии. Тт. 1–3. М.; СПб.: Университетская книга, 1999–2000; Т. 4. М.: ИД «Флюид», 2007. 784 с.

Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя / Пособие для учащихся. Ленинград: Просвещение, 1981. 255 с.

Лотман Ю.М. Воспитание души: воспоминания, беседы, интервью, в мире пушкинской поэзии (сценарий), беседы о рус. культуре (телевиз. лекции). СПб.: Искусство-СПб., 2005. 624 с.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Коммент. В.С. Баевского // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. С. 17–263.

Лотман Ю.М. Письма. 1940–1993 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 787 с.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 415 с.

Московско-тартуская семиотическая школа: История, воспоминания, размышления / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.; Составление и ред. С.Ю. Неклюдова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 381 с.

Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. // Вступ. статья В.Н. Альфонсова, сост., подг. текста и примеч. В.С. Баевского и Е.Б. Пастернака. Л.: Советский писатель, 1990.

Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

Ю.М. Лотман. З.Г. Минц. Б.Ф. Егоров. Переписка 1954–1965 гг. Таллин: Таллинский университет, 2012. 604 с.

Иванов В.В. Семиотика // Краткая литературная энциклопедия. Тт. 1–9. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 11.11.2021).

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. URL: https://youtu.be/_MXSoW98fpk (дата обращения: 11.11.2021).

Curriculum vitae: полный список опубликованных работ профессора В.С. Баевского / Ред., сост. Л.В. Павлова. Смоленск: Маджента, 2009. 88 с.

E.L. Kotova*Smolensk State University
Smolensk, Russia***G.A. Zakroeva***National research University Higher school of Economics.
Moscow, Russia***«THERE HAS NEVER BEEN ANOTHER AND NEVER WILL BE»:
TRANSCRIPT OF V.S. BAEVSKY ABOUT YU.M. LOTMAN**

Key words: Yu.M. Lotman, V.S. Baevsky, lecture, history of science, semiotics, structuralism.

In 2007 V.S. Baevsky gave a unique course of lectures «History of Science in Biographies of Scientists» for graduate students. At his lectures, Vadim Solomonovich not only recorded the movement of scientific thought in philology of the 20th century, but also showed what difficult paths the development of Russian science took in Soviet times. In this course V.S. Baevsky spoke with graduate students about the achievements in science of Yu.M. Lotman, A.N. Kolmogorov, R.O. Yakobson et al. Lectures by V.S. Baevsky are unique not only for their generalizing analysis of the creative path of a philologist, but also for the memories that Vadim Solomonovich included in the narrative. Realizing the value of V.S. Baevsky, his student, associate professor of the Department of Literature and Journalism, E.L. Kotova made a video recording of the course for graduate students. This publication is a transcript of the video recording of the first lectures of the course dedicated to the scientific fate of Yu.M. Lotman. Vadim Solomonovich had scientific and personal relations with Yuri Mikhailovich for many years and published his memoirs. In a lecture by V.S. Baevsky talks about what has not been published in other sources, and recreates the image of M.Yu. Lotman.

REFERENCES

Azadovsky M.K. History of Russian folklore [Istoriia russkoi fol'kloristiki]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1958. 482 p. (in Russian).

Baevsky V.S. David Samoilov. The poet and his generation [David Samoilov. Poet i ego pokolenie]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1986. 256 p. (in Russian).

Baevsky V.S. From the letters of Yu.M. Lotman and Z.G. Mints. Publication [Iz pisem Iu.M. Lotmana i Z.G. Mints. Publikatsiia]. *Russian philology. Smolensk Humanitarian University*. Smolensk, Trust-imakom, 1994, Pp. 12–17. (in Russian).

Baevsky V.S. Historian-thinker <About Yu.M. Lotman as a literary historian> [Istorik-myslitel' <O Iu.M. Lotmane kak istorike literatury>]. *Forward* (newspaper), Tartu, 1987. March 5. (in Russian)

Baevsky V.S. History of Russian poetry: 1730–1980. Compendium [Istoriia russkoi poezii: 1730–1980. Kompendium]. Smolensk, Rusich, 1994. 302 p. The same additional: Moscow, Novaya shkola, 1996. 320 p. (in Russian)

Baevsky V.S. A novel of one life [Roman odnoi zhizni]. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2007. 506 p. (in Russian)

Baevsky V.S. Yu.M. Lotman – commentator on «Eugene Onegin» [Iu.M. Lotman – kommentator «Evgeniia Onegina»]. A.S. Pushkin. *Eugene Onegin*.

Comments by Yu.M. Lotman and V.S. Baevsky. St. Petersburg, Vitanova, 2002. Pp. 627–681. (in Russian)

Danilkin L. The Sign of Trouble. Goncourt laureate Michel Tournier calls to stay away from peat bogs [Znak bedy. Gonkurovskii laureat Mishel' Turn'e prizyvaet derzhat'sia podal'she ot torfianykh bolot]. *Izvestia* (newspaper), Moscow, 2000. March 31. (in Russian)

Derzhavin G.R. Compositions. In 9 vols. [Sochineniia. V 9-ti tt.] St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk, 1864–1883. (in Russian)

Derzhavin G.R. Poems (Series «Library of the poet», Large series; Second edition) [Stikhotvoreniia (Seriia «Biblioteka poeta», Bol'shaia seriia; Vtoroe izdanie)]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1957. 474 p. (in Russian)

Levi-Strauss K. Mythology. [Mifologiki]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaia kniga, 1999–2000; Vol. 4. Moscow, ID «Fluid», 2007. 784 p. (in Russian)

Lotman Yu.M. Alexander Sergeevich Pushkin: Biography of the Writer / Student Handbook [Aleksandr Sergeevich Pushkin: Biografiia pisatel'ia / Posobie dlia uchashchikhsia]. Leningrad: Prosveshchenie, 1981. 255 p. (in Russian)

Lotman Yu.M. Education of the Soul: Memories, Conversations, Interviews, in the World of Pushkin's Poetry (script), Conversations about Rus. culture (TV lectures) [Vospitanie dushi: vospominaniia, besedy, interv'iu, v mire pushkinskoi poezii (stsenarii), besedy o rus. kul'ture (televiz. leksii)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb., 2005. 624 p. (in Russian)

Lotman Yu.M. Lectures on structural poetics [Leksii po struktural'noi poetike]. Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school. Moscow, Gnosis, 1994. Pp. 17–263. (in Russian)

Lotman Yu.M. Letters. 1940–1993 [Letters. 1940–1993]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1997. 787 p. (in Russian)

Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkin's «Eugene Onegin». A comment. A guide for the teacher [Roman A.S. Pushkina «Evgenii Onegin». Kommentarii. Posobie dlia uchitel'ia]. Leningrad, Prosveshchenie, 1980. 415 p. (in Russian)

Moscow-Tartu Semiotic School: History, Memories, Reflections [Moskovsko-tartuskaia semioticheskaia shkola: Istoriia, vospominaniia, razmyshleniia]. Russian State University for the Humanities, Institute of Higher Humanitarian Studies. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1998. 381 p. (in Russian)

Pasternak B. Poems and Poems: In 2 volumes [Stikhotvoreniia i poem'y: V 2-kh t.]. Leningrad, Soviet Writer, 1990. (in Russian)

Ferdinand de Saussure. General linguistics course [Kurs obshchei lingvistiki]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1999. (in Russian)

Yu.M. Lotman. Z.G. Mints. B.F. Egorov. Correspondence 1954–1965 [Iu.M. Lotman. Z.G. Mints. B.F. Egorov. Perepiska 1954–1965 gg.]. Tallinn, Tallinskii universitet, 2012. 604 p. (in Russian)

Ivanov V.V. Semiotics [Semiotika]. *Brief literary encyclopedia*. Vol. 1–9. Moscow, Soviet encyclopedia, 1962–1978. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (accessed 11.11.2021). (in Russian)

Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture [Besedy o russkoi kul'ture]. Available at: https://youtu.be/_MXSoW98fpk (accessed 11.11.2021). (in Russian)

Curriculum vitae: full list of published works of Professor V.S. Baevsky [Curriculum vitae: polnyi spisok opublikovannykh rabot professora V.S. Baevskogo]. Smolensk, Magenta, 2009. 88 p. (in Russian)